Анжелика Лавицкая

ЛОБОТОМИЯ

Роман

Анжелика Лавицкая

Лоботомия

Роман

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
Л13

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Лавицкая Анжелика

Л13 Лоботомия : Роман / Анжелика Лавицкая. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 140 с. — ISBN 978-5-4483-6657-4

Аннотация от Feder Fuchs:

Мрачная атмосфера, налёт абсурдистской мистики, мясо и хардкор, а за всем этим — крутейший стёб над теми, кто мнит себя дофига нормальным. Особенно хорош образ «писателей», которые оторваны от мира настолько, что выглядят полными шизофрениками. После «Лоботомии» не могу называть подобных персонажей иначе, чем «атланты».

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4483-6657-4

© Анжелика Лавицкая, 2017

«Вот такая вот хуйня.
Вот такая вот хуйня.
Вот такая да вот хуйня.
Вот такая да вот хуйня»

Е. Летов «Лоботомия»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мне довелось видеть, как это делается. Один псих разбежался и треснулся головой об стену. Стене ничего не сделалось, а вот его голова в буквальном смысле раскололась, как переспевший арбуз, который уронили на асфальт. Кстати, содержимое было чем-то похоже, только семечек не хватало. Это кажется невозможным, но это случилось: то ли он взял хороший разбег, то ли хорошо приложился к стене.

С этих пор моя идея — стать инвалидом и не ходить на работу, но получать при этом деньги даже больше моей нынешней зарплаты — меня покинула. Несколько раз я в шутку предлагала Ольке, подруге и напарнице, разбежаться и треснуться головой об стену. Нас бы признали психически нездоровыми, наши родители снова отвечали бы за нас, а мы, ничего не делая, все же получали бы копейки на свою корку хлеба, даже с маслом. Ольке предлагала в шутку, а сама серьезно подумывала над этим, но мысль о том, что будет дальше, меня не покидала. С математическими науками у меня как-то не сложилось, а траекторию бега и силу удара нужно было как-то рассчитать. Мои мозги никогда не были под это заточены, как, впрочем, и под многое другое. Гуманитарий с медицинским образованием. Каким образом мне это образование удалось получить — одной удаче известно и моему таланту выкручиваться.

В общем, чтобы посмотреть, что получится, мне не пришло в голову ничего лучше, чем подговорить того самого психа, чьи мозги соскребают сейчас со стены.

— Ты, Сень, говоришь, что он приходит за тобой, а ты попробуй в стену спрятаться. — Сеня жался в углу, подбирая ноги под

себя, раскачивался, как и все дебилы, и что-то мычал.

Говорить он перестал месяца два как, а до этого при каждом припадке начинал нести околесицу, что за ним его умерший друг придёт скоро и убьет. Не всё было безобидно в истории Сени, с самого начала: он сам этого друга убил по пьяни, а потом сошел с ума или притворялся, что сошел с ума, чтобы не попасть куда следовало, а тут его уже обработали капитально.

В общем, друг пришел, когда умер Сеня, все подумали именно так. Нет его больше. Мозги соскребут, останки Сени закопают на кладбище для таких, как он, — и все. Кончилась история Сени.

Никто не стал ругаться или разбираться, этим здесь не удивишь. Койку Сени через час заняла бабка, которая что-то бурчала и звала то Любу, то Люсю, кто они ей — мне не известно.

Моё дежурство кончилось, мне хочется спать, а по дороге домой нужно купить хлеб, молоко, кефир, йогурт и сигарет.

Утро серое, ветки деревьев голые, под ногами лед. Хотя кого это интересует? Да, верно, от этого часто зависит настроение, по крайней мере, моё. В детстве мне ещё нравилось ассоциировать погоду с хорошими и плохими событиями: хорошие случались в солнечную, плохие — в пасмурную или дождливую, холодную или снежную. Плохих, как уже ясно, было больше.

Детство кончилось, а на душе скверно. Наверное, у взрослых всегда так, а мне когда-то наивно представлялось, что всё обстоит по-другому.

Навстречу мне семенит девушка в норковом полушубке и на высоких шпильках, она придерживает левой рукой капюшон, а правой держит сумку. Странно, что она — не блондинка, а ещё странно, что её не доставили к нам в отделение: здраво-

мыслящий человек в такой гололед шпильки не наденет.

Мне вспоминаются мозги Сени на стенке, а воображение дает картинку, как эта ненормальная падает и разбивает голову об лед. Нет, её мозги не вытекут, как Сенины, максимум образуется кровавая лужица под головой, но всё равно — умрет.

К счастью для себя, «не блондинка» соображает прижаться к обочине и идти по рыхлому снегу. Хорошо, что я в сапогах на обычной платформе. Носки, правда, немного потерлись, но до весны прохожу, и так в кредит взяты были.

В нос бьет сладкий запах туалетной воды, знаю, что такой флакон можно выписать из каталога, который мне часто приносит моя напарница, но их стоимость меня отпугивает и напоминает о том, что у меня примерно такая же сумма ежемесячного платежа за кредит, ведь пару месяцев назад мне удалось купить новый телефон.

Интересно, какой телефон у этой семенящей? Наверное, экономит, все на туалетную воду спустила и ходит ещё с какой-нибудь «раскладушкой». А мне жаль деньги на воду тратить. Пшик — и всё, лучше телефон. Половина отделения мне завидует и фотографируется только на него, потому что тоже экономят и себе такого не покупают.

В дверях магазина с кем-то сталкиваюсь, и все мои мысли рассыпаются, но, не поднимая голову, невнятно извиняюсь, смотрю на красную плитку магазинного пола и шагаю вперед. Беру корзину для покупок и прямым ходом к холодильникам. Эти холодильники скоро начнут мне сниться или здороваться, мы встречаемся с ними каждый день. В корзинку отправляются: пакет молока, пакет кефира и стакан йогурта, сегодня взяла клубничный, вишнёвый был вчера. Миную стеллажи с консервами, поворачиваю и забираю с лотка булку хлеба. Теперь к кассе.

Иду под расслабляющую музыку. В подобных сетевых магазинах это делается специально — ты расслабляешься, а иногда там начинает играть знакомая песня, и на этой волне ты набираешь ещё кучу ненужного, а дома спрашиваешь себя: зачем это было куплено, и куда делись деньги. Мне это не грозит — здешнюю музыку я ненавижу, а денег у меня не так много, чтобы тратить на что-то ненужное. Мой бюджет ограничен и скромен, его хватает только на то, что у меня сейчас в корзинке, и на пачку сигарет.

Кассирша отпикивает мои продукты, её зовут Инга, она полная и ярко красится.

— Сегодня курим? — голос у нее прокуренный, она часто бегает курить за магазин, от того этот прокуренный голос ещё и простуженный, почти севший.

— Да, пачку, как обычно, — отвечаю сонно, отчего-то начинаю зевать, достаю из кармана кошелек и расплачиваюсь картой.

— На работе как? Что нового? — пока нет очереди, а я складываю свои покупки в пакет, интересуется она. Мы успели немного подружиться за все то время, которое мне сюда приходится ходить.

— Устала, — отвечаю и снова начинаю зевать. Нет, как приду, сразу лягу спать, так больше продолжаться не может. — Сегодня ещё убился один псих, полночи мозги его от стены соскребали, — зачем-то вру, мозги соскребала моя напарница, меня отправили в это время перестелить постель Сеньки, которую потом заняла новая старуха.

— Ничего себе! Насмерть?! — эти обычные люди, которые видели смерть только по телевизору, мне хочется улыбнуться её

выражению лица — этот наигранный ужас в глазах, как будто она знала Сеню лично, и если я скажу, что он разбился не насмерть, ей станет легче.

— Да, насмерть, у нас по-другому не убиваются, — мои покупки сложены, мне пора домой, у меня нет желания продолжать разговор и рассказывать, как так получилось и всю историю Сени. Кому он нужен, очередной шизофреник? Сплетни до Инги и без меня дойдут, не я одна тут что-то покупаю каждый день, расскажут.

Закурить на улице не даёт хиус* и снег, руки замерзают так, будто их режут стеклом, прячу их в карманы пуховика и шагаю к дому.

Многоэтажка серая, с облупленными стенами, точнее — из нее выпадает белая мозаика или какое-то стекло в виде маленьких квадратиков, мне неизвестно, что это.

В подъезде хоть и тепло, с недавнего времени, но всё равно пахнет сыростью, как в подвале, свет уже поспешили выключить, потому серые тона всё ещё режут по глазам. Около почтовых ящиков доска объявлений. Посмотрим, не обещают ли что-нибудь отключить.

«Уважаемые соседи! Если вы на своем балконе обнаружите змею, огромная просьба: не бить её, не кидать в нее стулья, не хвататься за топор и не вызывать МЧС!»

Весело. Мне хотелось бы верить, что это — чья-то шутка, но в этом объявлении указан номер телефона, по которому следует звонить в случае обнаружения в своем жилище змеи, и номер квартиры, в который следует отнести змею. А если она ядовитая? Что за соседи мне достались?!

«ЗМЕЯ НЕ ЯДОВИТАЯ! Всем добра!»

На этих строчках облегченно выдыхаю. Такую информацию нужно давать сразу, в начале объявления, а не в конце! А такого соседа к нам, в отделение, рядом с той бабушкой, которая теперь на Сенькиной кровати с ума сходит.

Убедившись, что ничего не отключат и не начнут никакой ремонт, иду к своей двери, она напротив доски.

Вот и мой дом, моя крепость. Мне радуется мой пёс Фимка, заходится на визг. Все мои мечты о том, что немедленно лягу спать, разбиваются об этот радостный визг. Гулять, ему нужно гулять, а мне хочется спать.

— Сейчас. Сейчас пойдем, дай только пакет разобрать. Ищи ошейник. — Он у меня умный, ждёт утра, пока я не приду с дежурства или не проснусь, сам знает, когда ему нужно гулять, сам залезет в ванну, чтобы я его вымыла — всё вытерпит. Такая верная собака, а я ему сегодня даже колбасы у Инги не спросила просроченной.

Когда забирала его у Ольки, ещё щенком, она говорила, что он будет пуделем, но что-то пошло не так — лохматый, кудрявый, но не пудель.

Устало опускаюсь на табуретку и закуриваю, облокотив голову на руку. Фимка смотрит прямо в глаза своими блестящими большими черными глазами, в которые лезет его белая шерсть, нужно его подстричь. Он держит в зубах ошейник и поскуливает, напоминая о том, что нам нужно идти. Выдыхаю дым, если честно, мне ничего не хочется.

— Сейчас пойдем, — снова обещаю ему и поднимаюсь через силу, чтобы надеть на него ошейник и выйти во двор.

Не вовремя начинает звонить телефон.

— Соня, ты в сеть-то выйдешь? — если бы через телефон можно было бить, он получил бы по плечу, точно по плечу.

— Софья! Сколько можно говорить! — наигранно вскипаю от злости, по-настоящему злиться на Димку не получается.

— Ладно, ладно! Выходи, давай! — он смеется. Он выспался, а я нет. Этот кусок жира спал всю ночь, нажравшись перед сном.

— Полчаса подожди, я с собакой ещё не гуляла.

Фимка дергает ошейник и снова начинает переходить на визг, говорить Диме что-то ещё некогда. Мы идём гулять.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Старики — наверное, самые забавные обыватели нашей богадельни, хотя и страшно оказаться на их месте, но я об этом не думаю. Конечно, проблем с ними не меньше, чем с остальными, даже больше, но они компенсируют это своей забавностью.

Вот дед Вася, если верить его байкам, служил в разведке КГБ, знает, что страна в опасности и никому нельзя верить, а ещё он, разумеется, с Ельциным пил на брудершафт, и самое забавное: он часто говорит о том, что в нашем дурдоме он скрывается и его ищут, а когда найдут — убьют. Он часто спрашивает меня, не видела ли я какого-нибудь подозрительного мужчину, который что-нибудь ненавязчиво спрашивал у меня.

Если верить документам, то Вася был простым рабочим, токарем. Жена умерла рано, дети разъехались, а у деда остался только телевизор из всего говорящего в доме. Возможно, это звучит как-то нелепо, но от телевизора действительно можно сойти с ума, сухой старичок с лысой бритой головой, дед Вася — тому доказательство. Пишут, конечно, что у него шизофрения, но мне точно известно, что это из-за телевизора: слишком часто дед рассказывает мне что-то, и в его историях мелькают имена персонажей из военных фильмов или современных сериалов, таких идиотских и бесконечных, которые пытаются показать работу доблестных внутренних органов. Полиции, разумеется. Свели старика с ума. Был человек — и нет человека, от нас не возвращаются.

Новенькую бабушку, которая заняла кровать Сеньки, зовут Акулиной. Когда я услышала это имя, мне представилось что-то очень старое — сундук, или деревянная шкатулка, или пыльный громоздкий комод. Сама же она оказалась натуральной бабуш-

кой, по типу той, которая когда-то в телевизоре, ещё на черно-белом экране, раскрывала ставни и говорила: «В некотором царстве, в некотором государстве». Мне удалось узнать, что она не буйная, её накрыло шизой после инсульта, а инсульт накрыл её после того, как она поскользнулась на улице и сломала что-то, вроде ногу.

Работа моя на сегодня заключается в том, чтобы смотреть за Акулиной, потому что ей дали альбом, краски, карандаши и кисточки. Краски психи иногда едят, а какими опасными становятся в их руках кисточки и карандаши — обычный человек, который далек от всего этого, даже не подозревает.

Акулина краску не ест, альбом не рвет, воду не выливает и не выпивает, а карандаши и кисточки пока не представляют никакой опасности в её руках, они просто — карандаши и кисточки. Если честно, это самая спокойная старушка из всех, которые попадали сюда. Хотя стоит вспомнить, с какими криками она звала то ли Любу, то ли Люду — обе оказались ее дочерями — одна давно погибла, вторая привезла сюда. Люда сослалась на занятость, работу и семью. Свою мать, Акулину, она семьей уже не считала и просто-напросто избавилась от нее, отдав нам.

Такие случаи часты, на самом деле, и если честно, то насмотревшись — мне не хочется детей, они — эгоистичные твари, которые бросят тебя, как только ты сойдешь с ума, от тебя не будет никакой выгоды, а если еще и стены измажешь собственным говном...

— Посмотри, Софа, — мои мысли перебивает Акулина, кстати, у нее аккуратная прическа, сделанная мной, и выглядит эта бабуля вполне приятно, даже не знаю, за что её сюда отдала родная дочь. Когда она увидела меня сегодня — почему-то расплылась в улыбке, сразу сказала, что я люблю свою собаку. Это было немного удивительно, но белая шерсть от Фимки, которая была

почти на всей моей одежде, многое объясняла — бабушка наблюдательная. Оставалось только улыбнуться ей в ответ и согласиться.

Сейчас Акулина показывает мне свой рисунок. Можно сказать, что она талантлива, по местным меркам. Диковинный цветок, красного цвета. Не знаю, на что он похож, возможно, на лилию или нарцисс, что-то подобное мне где-то доводилось видеть. Акулина сидела над этим рисунком около часа и нарисовано действительно прекрасно: каждый штрих, каждая деталь — всё прорисовано, цветок кажется выдавленным и почти настоящим.

— Как он называется? — моя работа санитарки на полставки позволяет мне вот так запросто разговаривать с пациентами, поэтому Акулина не становится исключением.

— Он рос раньше на земле, но после первой войны его не стало, он был уничтожен, — она говорит это как бы между делом. Мне не совсем ясно, после какой именно войны было уничтожено это растение, но понятно, что его название Акулина мне не выдаст.

— Понятно, — коротко заключаю я, теряя весь свой интерес.

— Было три войны, — видимо, она решила продолжить и поэтому откладывает рисунок на стол. — Атомная, ядерная и водородная. Земля сгорала и тонула много тысяч лет назад. — Чего я только не слышала за этот год работы: кто-то пережил полёт в космос, кто-то — несколько полётов, некоторые бывали на разных планетах, с одними разговаривал Бог, вторые дружили с Сатаной — и все они теперь здесь. Ситуация с Акулиной ничем не отличается от всех остальных, теперь становится ясно, за что её сдали сюда.

— Понятно, — поджав губы и кивая головой, снова отвечаю я, пытаясь не особо демонстрировать свой не интерес. Больные не любят подобное и начинают буянить, особенно опасно начинать спорить с ними, лучше со всем соглашаться и делать вид, что ты их понимаешь как никто другой, тут нужно прикидываться больным, вживаться в его роль, если не хочешь лишних проблем на дежурстве.

— Жаль, что портреты моего брата и сестры остались у Людки! — лицо бабушки начинает пугать — оно становится серьезным, Акулина отвернулась от меня и смотрит куда-то впереди себя, желваки так и ходят, рука, которой подходит определение — костяная, сжимается в кулак и ложится на стол.

— Да, жаль, — выдыхаю я, как будто мне действительно жаль.

Бабуля поворачивает голову и по-доброму улыбается глядя на меня.

— Я нарисую их для тебя, — что ж, теперь она мне полностью доверяет, надеюсь, проблем с ней не будет.

Время приближается к процедурам, скоро придет Олька, это её работа, мне нужно только подготовить Акулину. Спрыгиваю с ее кровати и подхожу к столику, за которым она сидит.

— Хорошо, только позже, сейчас нужно отдохнуть, — беру ее за руку, рука холодная и теряет своё напряжение, как только ощущает моё касание.

Проблем с Акулиной и вправду нет, она спокойно соглашается со мной, спокойно покидает свое место и проходит к кровати, мне остается только убрать краски и альбом.

Прижимая все это к груди и проходя к двери, я зачем-то обо-

рачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Акулина спокойно лежит на кровати, смотрит на потолок, руки сцепила в замок на животе. Что в этой жизни пошло не так? Почему она здесь? Всего лишь из-за бреда о трех войнах? Всё же дети ни черта не ценят своих родителей, перестают ценить, когда с них нечего взять. Наверняка, она была каким-нибудь не последним лицом, наверняка, у нее какие-то заслуги, жизнь ее, скорее всего, была насыщена событиями, и она вряд ли думала, что однажды дочь сдаст её в дурдом, просто потому что у дочери семья, работа и дела и ей некогда слушать о трёх войнах и смотреть на нарисованные цветы.

Акулина — слишком официально, да и имя какое-то нелепое, врачебное и вместе с тем несчастное — странные ассоциации вызывает. Буду звать её сокращённо — Акулой. Ну да, Акулой, почему бы и нет? Как и любой хищник — акула не тронет, если её не трогать, если не вторгаться в её личное пространство, если не показывать ей своего страха, акула — типичный шизофреник.

Мне нужно в ординаторскую, отдать все эти краски и кисточки, а потом вымыть полы в коридоре и прочее, прочее.

Стены здесь давят, ходить спокойно невозможно, многие больные разгуливают по больнице в свободное время, несмотря на режим. Иногда я себя спрашиваю, зачем устроилась именно сюда, ведь была возможность устроиться и в обычное детское отделение при поликлинике, но меня сманила радужная перспектива ничегонеделания — вымыть полы в коридорах, перестелить постели, иногда помочь в чем-то своей напарнице, а потом можно спокойно заниматься всякой ерундой. Когда кто-то увидел, как легко мне дается общение с психами, меня часто стали просить присмотреть то за одним, то за другим. Здесь вообще своеобразный порядок. Беспорядок. Свою работу никто не любит, и работают лишь бы работать. Странно, как вообще человек выбирает такую работу. В отличие от меня, они действи-

тельно работают и что-то делают, что-то пишут, кого-то лечат. Как можно проснуться с идеей — лечить психов, мне не понятно.

Пока я стою и набираю ведро, слышу крики сквозь шум воды.

— Она укусила меня! Эта тварь меня укусила! — это голос Ольги.

Пока я закрывала воду, крик ее стал ближе, выскочив в коридор, я увидела как двое наших санитаров — Ванька и Колян — заталкивают Акулу обратно в палату, а она пытается вырваться и кричит о том, что обязательно доберется до той твари, смотря на Ольку, которая бежит на меня и отстраняет в сторону.

— Что случилось? — как только Акула исчезает за дверью вместе с парнями, я возвращаюсь. Олька моет руки, вся трясется и готова разрыдаться.

— Она укусила меня! Бешеная тварь! — Олька говорит это сквозь зубы, тщательно вымывая руки.

— Это я уже слышала, — бросаю равнодушно, подперев стену. — Из-за чего? — если бы характер моей напарницы мне не был бы знаком, я бы не спрашивала.

Вода перестает шуметь, Олька вытирает руки о халат и тут же лезет в карман за сигаретами.

— Тварь старая! Чтоб она сдохла, сука! — продолжает она, пытаясь прикурить. — Я ей, видите ли, укол больно поставила! Как схватит меня за руку и зубами! Сука! — да, Ольга ещё и медсестра наполовину, поэтому уколы у нее действительно больные, от них остаются синяки. Наверное, поэтому она здесь: в нормальное отделение такие медсестры не нужны просто.

Руки Ольки обе красные от воды, на правой — следы зубов, никогда бы не подумала, что протезы оставляют такие глубокие следы. Не зря она теперь зовется Акулой.

— А у моего соседа змея сбежала и теперь по чьей-то квартире ползает, — говорю это, чтобы отвлечь напарницу от Акулы, иначе она ее долго будет склонять по всем падежам, а это утомляет, психов хватает и так.

— Ну, зашибись! МЧС вызвали? — она забывает обо всем, что с ней только что случилась, её черные глаза отражают настоящее беспокойство.

— Змея не ядовитая, просили как раз никого не вызывать, чтобы не делать из этого большую проблему, — возвращаясь к своему ведру, продолжаю рассказывать.

— Всякую херню дома держат, — выпуская дым, отвечает она.

— Иван Иванович советует держать дома зверей, чтобы не сходить с ума от одиночества, — вспоминая рекомендации нашего главного врача, продолжаю разговор.

— По-моему, тот, кто заводит дома змею, — уже сумасшедший, его пора определить к нам. — Олька окончательно забывает об Акуле, она уже смеется.

— Да, я подумала так же, — выключаю воду и, больше ничего не говоря, отправляюсь работать.

Интересно, что там с Акулой? Нужно будет зайти к ней после и проведать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— ...Ты не мог бы меня забрать из моего дурдома? — говорю шепотом, потому что голос пропал от пережитого несколько минут назад ужаса.

— Ну, окей. А куда дальше? — Димка на том конце беспроводной мобильной связи явно не торопится меня забирать. Наверняка он лениво протянулся, сидя за своим компьютером, сделал глоток остывшего чёрного чая и думает о том, как ему не хочется выходить из квартиры, идти к гаражу и ехать к дурке.

— Хоть куда! Ты меня в караоке сводить хотел? Лови момент! Приезжай быстрее! — не дожидаясь его ответа, отправляю трубку в карман халата. Мне нужно отдышаться, я так убегала от этого деда в огромных очках... Учителя физкультуры, которые вечно были мной недовольны, сейчас бы аплодировали стоя, я ведь ещё и через забор перемахнула. Господи, что же это получается-то? Дед Вася не токарь никакой, правду рассказывал и про КГБ, и про Ельцина, прости Господи, Бориса Николаевича?

А как хорошо начинался день: я спокойно, не опаздывая, подходила к своей любимой работе, увидела странного толстого деда в огромных тёмных очках с рогожей оправой, и всё, на этом всё хорошее этого дня закончилось. Он встал у меня на пути, поздоровался, а я, потеряв дар речи от полного несоответствия его внешности и речи, тупо смотрела на него, совершенно ничего не понимая.

— Я не буду ходить вокруг да около, — несмотря на это обещание, он мялся, но мялся наигранно и наигранно то опускал глаза, то оглядывался, то снова смотрел на меня, после чего прибли-

зился вплотную, схватил меня за ворот пуховика и над ухом прозвучал его вопрос: — Василий Николаевич, дедушка такой, лы-ы-ысенький, худенький, здесь лежит? — пока он кивал головой в сторону психушки, моё сердце успело остановиться, а дыхание пропасть.

Не знаю, что сработало — инстинкт самосохранения или страх, но вцепившись в его руку, я зачем-то очень быстро натянула его вязаную шапку ему же на глаза и толкнула со всей силы. Вот уж не знала, что сил моих хватит уронить его, а после этого ещё и побежать, забыть о том, где находится вход, и, подняв колючую проволоку, которая меня нехило покалечила, перепрыгнуть через забор. Господи, что же это было?!

Нет, никому и ничего я не сказала. Пока Акула тихо-мирно рисовала очередной цветок, я лишь, стараясь быть незаметной, выглядывала в окно и видела, как этот дед бомжацкого вида крутился около нашей психушки, либо переходил через дорогу, к остановке, и делал вид, что ждёт автобус.

И почему-то я подумала, что он больше ко мне не пристанет, а потому, спокойно собралась домой и вышла из двора больницы. Бомжа этого нигде не было видно, успокоившись, я даже вздохнула, ещё раз огляделась вокруг, и в тот момент, когда уже собралась устремить свой взгляд вперёд, — он появился передо мной. Воображение предательски воспроизвело где-то в мозгу музыку из фильма ужаса. Он довольно улыбался, выдыхая мне в лицо, я отступала назад, прижимая свою сумку к груди. На улице, как всегда, ни души, даже кричать бесполезно, хоть и от стен психушки я была не далеко, никто бы мне не помог.

— Вася, ма-а-аленький такой старичок, — бомж напоминал маньяка, ему не хватало только ножа в руке, он явно чувствовал мой страх, а потому был уверен, что сейчас я сопротивляться не стану.

— Он умер! — я заорала во все горло, после чего сорвалась с места к уже известному маршруту — через забор. Проволока прорезала рукав пуховика, но мне впервые было плевать на такую мелочь.

Вернувшись в стены родной психушки, чувство того, что теперь я в безопасности, дало спокойно дышать. Прошмыгнув в ванную комнату, я надела снова свой халат, позвонила Димке и вот теперь сижу на краю ванны и жду его. Этот придурок явно не торопится забирать меня отсюда.

Наверное, если бы змею, которую вроде нашли, ибо объявления о ней больше нет, нашли бы в моей квартире, я бы отреагировала куда спокойнее, чем на всё то, что произошло сегодня. Не знаю, почему не сказала этому бомжу про Васю. Всё же Вася — любимый псих: тихий, спокойный. Нет, не такой, как Акула, но к нему у меня тоже свой подход: я отбиваю об косяк три раза, прежде чем зайти, и он знает, что это я, потому что он сам просил меня это делать. Мы друзья. Только почему я сказала, что он умер? Да чтобы бомж сюда больше не приходил.

— Сго-о-рело! Издательство сгорело-о-о! И рукопись моя с ним вместе! — истеричный крик-плач снова заставляет меня прекратить дышать. Голос незнакомый, скорее всего, поступила новенькая, так как крик женский.

Приоткрываю дверь. В коляске сидит безумно худая женщина с абсолютно седыми волосами, пряди которых успели вылезти из-под шпилек и растрепаться. Она в чёрном длинном платье, кажется, бархатном, у этого платья белый кружевной воротничок под горло. Женщина закрыла лицо ладонями, как только увидела меня и перешла навзрыд.

— Тебя не очень рады видеть, — за моей спиной возникает

Колян, на его и без того неприятном лице, усмешка; ему нравится наблюдать за подобными истериками, он мечтает успокаивать свою жену так же, как успокаивает наших психов. Наверное, с тех пор его и прозвали БДСМ.

— По-твоему, это забавно? Ей же плохо, — говорю ему, не отрывая взгляд от этой женщины; в самом деле, она выглядит несчастной, и мне почему-то хочется её пожалеть и как-то успокоить.

Женщина внезапно замолкает, смотрит пристально на меня, поднимает руки вверх и, сползая с кресла на колени, хватает меня за ноги.

— Десять лет работы! Все сгорело! Они же говорили мне, чтобы я туда ни в коем случае не относила! — мои попытки помочь ей встать ни к чему хорошему не приводят, она цепляется за мои руки и тянет меня за собой.

На помощь приходит Колян, он быстро возвращает её в кресло.

— Они однажды тебя убьют из-за твоей мягкотелости, здесь так нельзя! — он кричит на меня, пристегивает женщину к креслу, но я его почти не слышу, у меня зазвонил телефон.

— Я приехал, выходи, — не сразу сообразив, что это Димка, я стою и смотрю вслед Коляну, который увозит несчастную, вероятнее всего, писательницу, и мне хочется послать Димку к черту, пойти за ними и познакомиться с новой сумасшедшей. Ей нужна помощь, я уверена, что она здесь по какой-то ошибке. К тому же, это намного лучше, чем вечер в караоке в компании этого куска сала.

— Извини, меня оставили на дежурство, Зинка заболела

и не вышла, — вру ему о Зинке, которая никогда у нас не работала.

— Ты охренела?! — это последнее, что я услышала от него, пошёл он к черту.

— Стойте, я с вами! — я срываюсь с места и бегу за Коляном. Он останавливается и, ошалев от этой новости, уставился на меня.

— Ты совсем больная что ли?! — он никак не привыкнет к тому, что психи меня любят, он просто не знает, как сильно они нравятся мне.

— Да. Приготовишь мне отдельную палату? — мне приходится сводить всё на шутку, чтобы он ничего не понял и в самом деле не запер где-нибудь здесь, в палате, навсегда.

— Дома совсем не ждут? Вышла бы замуж, что ли, — он соглашается с моим решением, мы идём вместе. Да, кроме Фимки, меня никто не ждёт, надеюсь, он мне простит это и не разнесет квартиру за ночь.

Женщина спокойна. Она смотрит впереди себя, она кажется неподвижной, замершей, как будто перед ее глазами прокручиваются кадры фильма, где горит издательство, где показаны все десять лет работы, где сгорают рукописи, где мы с ней встречаемся...

Дверь открывается, тусклый свет, который слегка синего оттенка из-за стен, проливается на нас.

— Как вас зовут? — забирая у Кольки ручки коляски, я смотрю впереди себя и чувствую какую-то неизвестную мне до этого власть над человеком, над этой несчастной женщиной, оттого

и голос мой почти командный.

— Анна Горц, — довольно улыбаюсь, она ответила так, будто ее привели на эшафот. Теперь мне становится ясно, что это не просто ошибка, всё было подстроено специально.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Красная плитка магазинного пола. Вздох. Всё же интересно работают сплетни: от литературы я очень далека, как далека другая галактика от нашей планеты, я от неё так же далека, как от астрономии и физики, но мне всё известно про Анну Горц.

Сегодня возьму клубничный йогурт, не помню, какой был вчера. После того дня моя рассеянность то и дело берет надо мной верх. Да и вообще у меня депрессия — мало было старых сапог с потертыми носками, теперь у меня ещё и порванный пуховик. Нет, конечно, рукав мне удалось зашить, но с моими способностями... В общем, мне нужен новый пуховик, но сейчас не об этом.

Инга отпикивает всё то, что мной куплено, в том числе и йогурт, а я молчу и думаю о Васе. Он умер.

— У вас снова кто-то убился? Чего такая понурая? — Инга вырывает меня из мыслей.

— Убился? Нет. Умер, — складывая в пакет свои покупки, отвечаю я.

— Странная у тебя работа, я бы уже уволилась, — продолжает она.

— Я бы тоже, — отвечаю и ухожу.

За порванный рукав куртки должен был кто-то ответить, за мою паранойю — выходить с работы и оглядываться постоянно по сторонам — должен был кто-то заплатить.

— Тебя вычислили, Вася. Я сказала, что ты умер, — говорила я ему.

Паника охватила его в то же мгновение: вскочив с кровати он несколько секунд простоял смотря в пол, после чего начал ходить от кровати к окну и обратно, держась за подбородок и по-прежнему смотря в пол. Так продолжалось несколько минут, а я сидела на его койке и ждала, когда он заговорит. Он остановился напротив меня, лицо его выражало полную обречённость, но когда наши глаза встретились, стало ясно, что как раз на меня он смотрит с большой надеждой, будто перед ним — ключ к разрешению его проблем.

Опустившись, наконец, рядом со мной, он начал спрашивать, что ему теперь делать. Да, так и спрашивал:

— Что теперь делать?! — охватывая голову руками, бледнея с каждым мгновение, трясясь так, будто его запихали в морозилку.

Этого я и ждала. Пожав равнодушно плечами, поднимаясь с его кровати, вложив в свой голос все равнодушие, которое у меня имелось, я ответила:

— Придётся умирать, Вась.

Глаза его округлились. Знаю, он ожидал чего-то другого, спасения, например.

— Как же это... Как же это я умереть должен? — на мгновение его речь показалась мне немного театральной, несмотря на то, что в театре я никогда не была. Другими словами, настоящего ужаса перед смертью в глазах Васи мне разглядеть не удалось. Наверное, он не до конца понимал, что я ему предлагаю, поэтому

мне оставалось только добить его своими объяснениями, рассказать кое-что о смерти.

– Сам подумай, – опираясь локтями на душку его кровати, начала я. – В твоём случае смерть – единственный выход. Сбежать ты отсюда не сможешь, а если и сможешь, то найдут тебя быстро. Рано или поздно за тобой придут сюда, а Иван Иванович, наш главврач, тебя скрывать не будет – выдаст с потрохами. – Обрисовав ему безвыходность этой ситуации, мне оставалось только повторить ранее сказанное: – Придётся умирать, Вась.

Он сидел, как обычно сидят возбуждённые дебилы, которые ещё не утратили способности более-менее мыслить: глаза были живыми, по лицу было видно, что он осмысливает сказанное мной и рад бы это оспорить, но аргументов в противовес не находилось. Мне прекрасно известно, как издевается мания преследования над своими жертвами, Вася тут был такой не один, я успела насмотреться на всё это.

Он долго сопротивлялся, говорил, что ему умирать никак нельзя, просил выдать ручку и бумагу...

Ничего ему не помогло. Когда я пришла на следующее дежурство, мне сказали, что Вася умер. Способ его самоубийства самый банальный. Так как он считался у нас практически нормальным, ванну он принимал сам. Виновата, конечно, Олька, которая ни в какую не хотела помогать ему и предоставляла свободу действий. Вася не просто утонул, он даже вены вскрыл каким-то образом. Хотя это меня не удивляет нисколько.

Фимка, как и всегда, встречает меня с визгом.

Забыв прочитать подъездные объявления, забираю своего пса, и идём обратно на улицу.

Сегодня мне удалось немного поспать на дежурстве, но в сон все равно рубит. После того как Анна Горц появилась у нас, после того, как ещё в первый же вечер я выцарапала её из рук Коляна и не отдала в отдельную палату... Мне влепили выговор, но это неважно. Важно то, что я отчётливо помню, как студентами нас для массовки водили на презентацию книги Анны Горц и одна из её книг непременно должна быть у меня: нам раздавали подарочные экземпляры. Ищу я эту книгу в своём бардаке уже неделю. Где она может быть, неужели выкинула?

— Эй, привет! Идёшь и никого не видишь, — на плечо опускается рука, вздрагиваю оттого, что меня вырвали из размышлений.

— А, это ты. Привет. — «Дима, какого черта ты тут делаешь?» — думаю я, равнодушно здороваясь.

Оранжевый пуховик, который не мешало бы постирать, вязаная шапка, натянутая едва ли не на глаза, и между этой одеждой — красное лицо с огромными щеками и узкими от прищура чёрными глазами. Иногда я думаю: что людей, у которых есть деньги, побуждает так нелепо одеваться? Денег у Димы, что называется, куры не клюют, поэтому он всё ещё мой друг, у которого можно перезанять до зарплаты на кредит или на хавчик.

— А я смотрю, ты не особо рада меня видеть, — он встаёт у меня на пути. Знал бы он, что я вообще не рада его существованию на земле.

— Я устала после работы, — отмахнувшись от него, иду за Фимкой, который сегодня гуляет без поводка, а потому носится по двору счастливый. Как мало надо собаке для счастья.

— Я по делу, — н-да, он не собирается сдаваться, а, между

тем, мне уже хочется его послать, но не могу, я должна ему денег.

— Дай угадаю! — мне не удаётся сдержать своего раздражения, и оно выходит на показ. — Ты хочешь меня куда-нибудь сводить или...

— Не угадала! — самодовольно улыбаясь, обрывает он меня. Представляю его единственную мысль, что-то вроде: «Теперь моя очередь тебя обламывать!» — месть за тот вечер, когда я променяла его компанию на спасение Анны Горц.

Сложив руки на груди и тяжело выдохнув, смотрю на него, но он продолжает молчать.

— Что за дело?! — не выдерживаю его молчания, мой голос едва не срывается на крик. Пусть выкладывает свою очередную бредятину и катится ко всем известным.

— Помнишь, мы в интернете издевались над одним лохом? — *вспомнить, над каким именно лохом*, мне трудно: в соцсетях, не имея страницы с настоящим именем и реальной фотографией, я издеваюсь над многими.

Я — тролль, которому нечем заняться, который одним сообщением может довести до выхода в окно или катанию на верёвке. Сама о себе я так не думаю, но так о нас говорят. На самом деле нам всегда есть чем заняться, а людей в интернете доводить — это развлечение после тяжелого рабочего дня, это безумно расслабляет — в этот момент, ты знаешь, что кому-то хуже, чем тебе. Тем не менее, уточнять мне ничего не хочется.

— Ну и? — коротко отзываюсь я, смотря на Фимку, которому уже надоела прогулка, оттого он уже идёт рядом.

— Есть идея! — оживлённее прежнего продолжает мой друг-

кредитор. — Этот лох мается от одиночества вот уже 45 лет, что если познакомить его с какой-нибудь сумасшедшей из твоей психарни?

В ответ я начинаю ржать, вспомнив, наконец, о ком говорит Дима.

— Это жесть! Но как? Доведём его до сумасшествия и он придет в дурку? — достаю из куртки сигареты и закуриваю.

— Он и без того сумасшедший, ты сама ему писала, что такому, как он уже не психолог, а психиатр нужен. Доводить нам его не нужно, нам нужно его познакомить с сумасшедшей, — продолжает он, но я всё равно ничего не могу понять.

— Но ка-а-ак? — не скрывая своего непонимания и раздражения от этого непонимания, повторяю свой вопрос.

— Сфотографируй кого-нибудь, кто отлично подходит на роль его суженой, а потом мы будем писать ему от её имени. Он влюбится и захочет встречи, а там уже второй этап — дорога в дурку. — Почему-то весь интерес после его объяснений тут же улетучился.

Мне показалось, это не только скучно, но и слишком сложно. Нет, не в том плане, что мне трудно писать от чужого имени, а в том, что это требует очередных затрат: новый почтовый ящик, новая страница, а эту страницу нужно как-то заполнить, чтобы она не вызывала никаких подозрений — обжить, как обживают дом. Требовалось время, которое мне не хотелось тратить на такой идиотизм. Троллить несколько минут, максимум час, ради развлечения — это, пожалуйста, а заниматься подобным серьезно — это глупости.

Закусив нижнюю губу, отрицательно качая головой

и размышляя о том, как мне не хочется этого делать, я иду рядом с Димой, который по выражению моего лица, понял, что мне его идея не нравится.

— Ты знаешь Анну Горц? — развивать его идею с издевательствами над интернет-задротами нет никакого смысла, а вот узнать что-нибудь об Анне Горц — это намного интереснее.

Дима меняется в лице, оно становится невыносимо серьёзным, он делает такую рожу, только когда у него возникают проблемы.

— Говорят, что она пишет книгу о жизни на Атлантиде, но многие зовут её сумасшедшей. — На этих словах он замолчал и опустил голову.

— Почему её так называют? Что она такого сделала? — маскируя любопытство непониманием, спрашиваю его, хватая под руку.

— Вообще она была нормальной тёткой, пока не поругалась с местными писателями. Мне не всё известно, но о ней много слышал последнее время. Говорят, что она высокого о себе мнения, считает себя самой гениальной в городе. Короче говоря, ненавидит всех вокруг, а все вокруг ненавидят её...

— За это её и упекли в дурку, — случайно выдыхаю, и Дима останавливается. Он удивленно, нет, даже ошарашенно смотрит на меня, как будто Горц — его родственница, которая оказалась в беде.

— Что?! — только и выдал он.

Фимка заскулил, просясь, домой, перебивая весь наш разговор.

— Идём ко мне, расскажешь о ней всё, что тебе известно. Мне кажется, что она попала к нам не просто так.

Впрочем, теперь мне это не кажется, я в этом уверена. Единственное, что мне неизвестно, так это — почему меня так заинтересовала её судьба, почему мне хочется ей помочь.

Пока Димка рассказывает о том, как он кого-то достал вчера в интернете, мы идём ко мне, и я думаю об этих «почему».

ГЛАВА ПЯТАЯ

— А с чего ты взяла, что тот ненормальный больше не явится и не спросит про Васю? — Дима за мной кое-как успевает. Говорят, что одинокие люди ходят быстро. Димка тоже одинокий, но жирный, а потому бежать за мной ему трудно.

— Вася умер. Зачем ему приходить? — отвечаю, заворачивая за угол, за спиной хрипящее дыхание моего подельника. О, что мы задумали! И зачем нам это надо — неизвестно. Наверное, скучно жили и наконец-то нашли себе приключения на пятую точку.

— Значит, сумасшедший тебе правду говорил? — не унимается Димка.

— А, может, он тоже был сумасшедшим. Откуда знать, — я пожимаю плечами, мне в голову не приходит думать о Васе и о том маньяке, из-за которого я порвала куртку.

— Он может вернуться, это же не просто так! — как же он меня достал со своей паникой. Почему некоторые так склонны к панике? Проще ведь спокойно сидеть и не накручивать себя.

— Какой там дом? Как это сборище литераторов вообще выглядит? — из-за его трепа я забыла адрес.

Димка останавливается, то же приходится делать и мне. Пока он замерзшими пальцами тарабанит по планшету, я смотрю по сторонам. Женщина в лыжном сером костюме и вязаной серой шапке вот-вот поравняется с нами.

— Где-то здесь же... — бормочет Димка, попутно проклиная связь, из-за которой всё долго грузится.

— Простите! — по-моему, проще спросить, чем ждать, когда Димка что-то найдет. — Вы не подскажите, где дом литераторов?.. — я не совсем уверена, что это место называется именно так, потому замолкаю на мгновение, после чего добавляю: — ...Или что-то в этом роде?

Женщина бросает на меня оценивающий взгляд своими огромными зелеными глазами, которым не помешал бы черный карандаш, без него они выглядят на ее лице бесцветными.

— Значит, расклад такой, — начинает она, поражая таким началом разговора. — Сейчас доходите вон до того дома с аркой... — она указывает на дом, около которого наставлена куча машин. — ...Проходите под арку, а там, во дворе, будет это заведение.

Я не успеваю сказать спасибо, как и Дима, который бросил свою затею с загрузкой карты, женщина продолжает свой путь и даже не оглядывается в нашу сторону.

— Странная какая-то, — смотря ей вслед, говорю Димке.

— Нормальная баба, — отвечает он, как будто я сморозила какую-то глупость, и тянет за собой в сторону дома с аркой.

Как попасть в такое, как сказала женщина, заведение? Мы долго думали об этом, пока я не полезла в свою сумку за сигаретами. Среди кучи ненужного хлама, косметики и чего-то еще в сумке лежал каталог какой-то косметической фирмы. Решив, что мы вполне сойдем за консультантов, которых везде и всюду пропускают, мы собрали всю мою косметику и отправились на поиски дома литераторов.

— А если не пропустят? Как ты себе это представляешь? — мне следовало бы оставить его где-нибудь, Димка сеял панику на каждом шагу и мешал мне представлять дом писателей.

Наверняка, здание должно быть громоздким, наравне с каким-нибудь театром или домом культуры; а внутри мне почему-то представляется всё в зеленых тонах — шторы, лампы, ковры и кресла. Все пропитано тишиной, кругом люди в очках что-то пишут... Может быть, по полу, в каких-нибудь коридорах, разбросаны листы бумаги, а где-то на втором этаже, например, спорят самые настоящие писатели.

— Заткнись! — от своих представлений мне скорее хочется попасть в эту обитель и не хочется слушать Димку. Да, когда твоя работа напрямую связана с психами, хочется как-то сменить обстановку и даже немного приобщиться к культуре.

Мы идем по заснеженному тротуару. С какой-то стати снегу приспичило сегодня лететь хлопьями на скользкие дороги, быть мокрым и тяжелым, налипать на одежду и тут же таять. Пуховик мой сначала был будто в пятнах из-за снега, а потом он просто-напросто намок и стал темнее обычного, с Димкиным пуховиком случилось то же самое.

— О, вот табличка! Это здесь! — на голубом фоне много золотых букв, а здание... Оно совсем не совпало с моими представлениями — обыкновенный жилой дом, на первом этаже которого и расположились литераторы.

— Этот кошмар? — вырвалось у меня. Наверное, я так и продолжила бы разочарованно смотреть на то, что пришлось увидеть, но Димка снова дернул за руку и повёл за собой.

— Если они поймут, что эта бумажка ненастоящая, они вызо-

вут ментов и нас посадят, — начинает тараторить он, прежде чем открыть дверь.

— Так, улыбайся и не говори чепухи! Говорить буду я! — для верности мне приходится его остановить, зачем-то поправить на нем шапку и шарф. Поправляй не поправляй, привлекательнее он от этого не станет, у такого как он точно ничего не купят.

Обитель литераторов встретила нас серым цветом, это случилось от того, что на улице из-за снега слишком много белого, а в коридоре, в который мы зашли, не горел свет.

Единственные две вещи, которые оправдали мои ожидания, — тишина и бумага на полу. Серьёзно, лист истоптанной белой бумаги сразу на пороге. Тишину можно было бы назвать зловещей, но она пугала только Димку, который готов был замереть на пороге, если бы я не повела его дальше. В остальном обитель писателей — это бесцветные обои, вышарканный линолеум, под которым скрипучий пол.

— А что потом? — Дима перешел на шепот. Мне нечего ответить, я сама не знаю, что будет потом и зачем мы сюда явились, а потому смело иду к дверному проёму, который, скорее всего, куда-нибудь приведёт.

— Чем могу помочь, молодые люди? — перед нами возник человек в сером свитере. Человека этого старым не назвать, вполне сойдёт за молодого — темные волосы, очки на носу, запах от него приятный, но он им злоупотребил, вылил, наверное, полфлакона.

— Что у Вас за туалетная вода? — он уставился на меня непонимающим взглядом, как и Дима, который сейчас всё засыплет. — Серьёзно, Вы не хотели бы приобрести что-нибудь из нашего каталога? — пока его внимание не привлёк Димка, я

сую в его руки каталог, который нашла в своей сумке.

— Нет. — Можно подумать, что он на меня обиделся, но взгляд его не обиженный, а больше злой, по выражению его лица ясно только одно — слушать он меня не станет, а потому и возвращает каталог обратно.

— Хорошо, может, у вас есть те, кого заинтересует наша продукция? — я заглядываю через его плечо, в надежде, что в коридоре, который он нам загородил, кто-нибудь прошмыгнет и я под предлогом продажи, пройду вместе с Димкой дальше.

— Навряд ли, — он стоит стеной и не собирается нас пропускать, отпуская свои односложные словечки с таким тоном, как будто если мы не уберёмся, он нас сожжёт своим взглядом.

— Послушайте, я представитель... — остановившись на этих словах, я полезла в сумку за бумажкой, которую мы с Димкой нарисовали сами. Зная, что её вряд ли кто-то будет читать, мы написали туда бог весть что, а потом нашли штамп в картинках гугла и приляпали его туда, вместе с чьей-то подписью.

— Вы не найдете здесь клиентов, — продолжает настырный человек в сером свитере. Жаль, что ни у меня, ни у Димки не хватит сил, чтобы треснуть эту преграду как следует и пройти дальше.

— Вот смотрите! — а потому, я не сдаюсь и махаю перед его очками на носу нашей липовой бумажкой. — Мы представители косметической фирмы...

— Это не важно, — перебивает он меня, скрещивая руки на груди.

— Это очень важно! — я смотрю на него в упор, больше

не для убедительности, а потому, что он меня достал, у меня не было этого в планах. — Мало ли кто может прийти к вам вот так просто с улицы и что-то предлагать? А у меня вот — всё... это самое... — я запинаюсь, но тут же нахожусь: — законно!

— Я вам таких бумажек сколько угодно нарисую. — Снисходительная ухмылка, которая скользнула по его лицу, дала понять, что сдаваться он не собирается. Димка начинает дёргать меня за руку, видимо, из соображений, что бумажкой этой надо махать поменьше.

— Что у тебя здесь? О, молодые люди! — на мое счастье появился еще один человек, но на счастье ли? Он стар и толст, штаны держаться на подтяжках, белая рубашка давно перестала быть белой, а сам он низкий и... Черт возьми, я эти очки уже видела!

— Представители... — начинает говорить тот, что в сером свитере.

— Представители — это хорошо! — сомнений теперь никаких нет, это тот самый идиот, из-за которого я порвала свой пуховик, я узнаю этот голос! — Идёмте за мной, — продолжает он.

— Вы не поняли... — пытается его перебить тот, который не давал мне пройти. Теперь он не загораживает нам путь... Но он должен остановить это! Ну! Скажи, какие мы представители!

— Это ты ничего не понял! — он гаркнул на парня в свитере и потянул меня за собой, тот встал к стене, будто вытянулся по струнке, и пропустил нас троих.

— Мы представители косметической фирмы, мы продаем косметику, — мне остаётся надеяться только на то, что он меня

не узнает или хотя бы сделает вид, что не узнает, пока со мною Димка.

– А я сразу понял. – Он отмахнулся от меня рукой, как от надоедливой мухи, и подался вперёд, сказав, чтобы мы следовали за ним.

– Это он, – указывая взглядом на впереди идущего, перейдя на шёпот, говорю Димке.

– Кто? – также шёпотом спрашивает он, поравнявшись со мной.

– Проходите! – мы едва не столкнулись с нашим проводником, когда он остановился и распахнул справа дверь в кабинет.

Кабинет совпал с моими представлениями – он весь в зелёных тонах – шторы, ковёр, лампа и кресла.

Дверь захлопнулась, и с этой секунды мне стало не по себе. Старик молча прошёл за свой стол, который был у окна, и занял свое место, жестом пригласил нас занять два кресла напротив него.

– Что вас интересует? – пытаюсь приветливо улыбаться, но понимаю, что страх мне скрыть не удаётся.

Одобрительно кивая головой и улыбаясь, хозяин кабинета кладёт руки на стол и складывает их домиком.

– Как самочувствие Акулины Ивановны? – он улыбается, он мерзко и лицемерно спрашивает об этом, а мне хочется вжаться в кресло, благо Димка рядом, но он смотрит на меня и на старика с непониманием.

— Что? — делаю вид, что не поняла вопроса или не расслышала.

— Анна Горц, как поживает? — продолжает он таким же тоном.

— Я не понимаю, о чём вы, — сердце готово выпрыгнуть, мне представляется, что сейчас случится что-то страшное, но я продолжаю старательно скрывать свой страх.

— Мы представляем косметику, — вмешивается наконец-то Димка. — Что вас интересует?

— Она пыталась спасти свои рукописи, но я её предупреждал, — старик не собирается слушать Димку. — Этого никто не должен был увидеть. Посадите их в одну палату, вы сможете, и они вместе наговорят вам много интересного.

— Если Вы пытаетесь выдать себя за злого гения, который упёк в психушку не менее гениальных, то мне не ясно — зачем Вам нужен был дед Вася? — если это последние минуты моей жизни, то мне хотелось бы знать правду.

— Мне не нужны ни дед Вася, ни Горц, ни Акулина. Мне нужны были Вы. — Он смотрит только на меня, Димку он продолжает не видеть. — И Вы пришли, — продолжает он. — Вы должны убить Горц и Акулину, иначе Вам придётся занять их место, в психушке, разумеется.

— Послушайте! — пытается перебить его Димка.

— Я бы на Вашем месте стал невидимым и неслышимым, — тут же отвечает ему старик. — Свидетели долго не живут, а хотите жить — поможете своей подруге.

— Он не работает в психарне, — втягивать в это Димку никак нельзя, хватает меня. — Он никому ничего не расскажет. — Мне представляется, что за нашими спинами сейчас появятся два здоровенных охранника, которые заберут Димку, а старик скажет, что отпустит его только тогда, когда я выполню его просьбу.

Старик выдерживает мучительную для нас паузу, смотрит на Димку оценивающим взглядом, чему-то смеется, подавляя улыбку, после чего говорит:

— Хорошо, я верю. Можете идти.

Дима, не раздумывая хватает меня за руку, и мы вылетаем из кабинета, бежим по коридору, к выходу.

Городской шум становится слышен только после того, как мы вылетели из-под арки. Дышать трудно обоим, мы готовы согнуться пополам, чтобы надышаться воздухом и прийти в себя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После того, что случилось с нами, кому-то должно было быть хуже. Пропуская вопли Димки, которые сопровождались только одним словом «зачем», я читала очередное бредовое объявление в своем подъезде.

Зачем мы во всё это ввязались?.. Уважаемые соседи!.. Стоит ли бояться этого редактора?.. Не кормите птиц из окон подъезда... А что, если я не убью Горц?.. Иначе я начну их отстреливать!.. Что она такого написала? Подумайте о птицах, они вам ничего плохого не сделали!

— Зачем? Зачем? Зачем?! — тараторил за спиной Димка.

Мне хотелось молчать, потому что говорить нечего. Молча повернулась от доски объявлений к двери своей квартиры, молча открыла дверь. Фимка встретил нас визгом, но кому-то должно быть хуже, чем мне, и мой пес получил под дых, заскулил и ушел, поджав хвост.

— Кому-то должно быть хуже, чем нам, — сказала я Димке, и он замолчал, понимая, что мне сейчас нужно.

Если тот старик решит забросить нас в психушку, то будет за что. Только психи могут заниматься подобным, после того, как угрожали их жизни. Мы троллили того лоха, о котором Димка недавно упоминал и хотел его сосватать Анне Горц. Раньше мы его практически ничем не задевали: докапывались до запятых, писали, чтобы он читал книги и становился умнее... В тот день в ход пошло всё. Мы слишком много знали о нём за тот период маленьких издёвок. Он работал на почте, кем — нам было неиз-

вестно, мы называли его почтальоном. Он часто говорил, что все бабы — сволочи и ни одной нельзя верить, и потому к сорока с лишним годам он не завёл семью. Тем не менее, на сайте у него была восемнадцатилетняя подружка, которой он с какой-то стати отправлял подарки и деньги, надеясь на то, что они однажды встретятся.

Димка взломал почтовый ящик подружки почтальона, а дальше... Мы писали ему от ее имени о том, что она его разводила, что денег и подарков достаточно, но если у него есть еще желание помочь и несколько лишних тысяч с зарплаты, то ему представляется уникальный шанс: выслать эти деньги на её свадьбу.

Через полчаса пользователь почтальон удалился с сайта, так ничего и не ответив.

Мы спокойно выпили по чашке кофе и, вернувшись в реальность, пожалели о том, что в интернете никак нельзя спрятаться от своих проблем по-настоящему.

Мы долго говорили и даже ругались, но ни к чему так и не пришли. Итог был одним: сходили в общество литераторов неизвестно зачем, а ведь шли мы туда только с одной миссией — расспросить кого-нибудь об Анне Горц, но всё пошло не так...

Димку заносило, он готов был продать квартиру, которую ему подарили родители, уволиться с работы и уехать отсюда подальше. Мне он предлагал то же самое, но потом его отпускало, и он начинал задумываться о том, что родители устроят ему скандал за квартиру, а работу лучше, чем сейчас, он не найдёт.

Но всё это — мелочи.

Настоящие события меня снова ждали на работе. Мои планы на то, что утром я во что бы то ни стало поговорю с Горц, снова

рухнули, когда в мужское отделение привезли того самого почтальона. Такого успеха от троллинга в интернете я не ожидала, а потому решила полюбоваться плодами своих трудов. Правда, и это счастье мне далось ненадолго.

Почтальон поступил с каким-то замысловатым диагнозом, но мне проще назвать такое поведение психозом — он кричал, он плакал, нет, даже рыдал! Всё это привело только к тому, что его быстро скрутили и повели в отдельную палату.

Обычные пользователи интернета, которые время от времени разводят дискуссии в блогах, могут о подобном только мечтать: чтобы их собеседник попал после диалога с ними в психушку или хотя бы застрелился.

После этого я собиралась пойти к Горц, но на моем пути возникла Олька. Мне бы уже стоило выйти из роли консультанта косметической фирмы, но... Боже мой! Кто-нибудь, скажите ей, что синих ресниц в природе не бывает, и красить ресницы синей тушью — несусветная глупость! Кто-нибудь! Мне некогда было с ней спорить, я сказать ей этого не могла, я спешила к Горц.

— К нам практиканты пришли сегодня, будут голову дяди Васи кромсать для них. Хочешь посмотреть? — Оля никогда не упускала шанса поиздеваться над моей привязанностью к пациентам. Точнее, она считала это привязанностью, я же просто делала, с их помощью, свою работу не такой скучно и убогой.

— Его ещё не похоронили? Неужели для них держали? У него родственников не нашлось? — смотреть на то, как кромсают голову Васи мне не хотелось, потому я старалась увести Ольку от этой затеи своими вопросами.

— Будущим белым халатам хотят рассказать о лоботомии, а Вася оказался единственным шизиком, который никому

не нужен, — вопросы мои мало помогли отвлечь Ольку с синими ресницами.

— И что будут делать? — научное слово «лоботомия» мне ни о чем не говорило; я часто пропускала в своё время лекции и практические занятия, а потому, мне почему-то представлялось вспоротое брюхо Васи; но как только Олька начала во всех подробностях описывать, что будут делать с трупом, я почувствовала, как меня начало тошнить.

— Заткнись! Я только что чай попила!

— Да ты только представь, — её уже было невозможно остановить. — Раньше всё было круто. Один док кромсал шизиков направо и налево, некоторых реально вылечивали, и они начинали нормально жить.

— Становились как все, — бросаю я, раз уж её не заткнуть.

— А по-твоему в шизофрении кроется индивидуальность? — захохотала она.

И тут я поняла, я даже остановилась из-за этой мысли и уже не слышала, что говорит Олька. Как все! Как же просто! Ответ на то, как поступить дальше — лежал на поверхности.

— Я не пойду смотреть, меня на изнанку вывернет! Где Горц лежит? — выпалила я наконец-то. Олька уже, видимо, говорила о чем-то другом, пока я копалась в своих мыслях, и когда она услышала мои слова, лицо её выражало недоумение.

— Вместе с бабкой, которая рисует, — ответила она, пожав плечами.

Ничего ей больше не говоря, я отправилась к Горц и Акуле.

Когда я зашла в палату, они меня заметили и буквально отбежали друг от друга — Акула к своим краскам, а Горц села на свою постель.

«Значит, они действительно знакомы, сомнений нет никаких», — подумала я, заходя в палату.

После нашей первой встречи Горц нисколько не изменилась, правда лицо осунулось, но в глазах читалась необычайная ясность мысли, а это должно быть странным. Странным, потому что взгляд должен быть отрешенным, как минимум, или безумным.

Пока я мялась и не знала, как с ней заговорить, Акула снова начала хвастаться своим очередным творением. Итак, передо мной был лист бумаги, на котором изображено подобие дома, такие дома рисуют в детском саду, а на крыше этого дома — подобие людей, таких тоже рисуют только дети, а рядом с этими людьми, судя по всему, флаг.

— ...В черный горох, — добавила Акула.

— Как интересно, — вставляла я, а сама смотрела в сторону Горц, которая, в свою очередь, смотрела на нас.

— Чёрный — очень благородный цвет и не символизирует смерть, — продолжала Акула.

— Но изображен он неправильно, — в наш разговор внезапно встряла Горц. — Я описывала его не так, мне рассказывали о нём не так.

Оживленное, до этого момента, лицо Акулы резко изменилось, она опустила голову и пошла от меня прочь, к своему столу.

— Вам рассказывали? — переспросила я, направляясь к Горц и теряя весь интерес к рисункам.

— Если Вам будет это интересно, я могу рассказать, но обещайте, что не будете меня пичкать лекарствами, как ваши коллеги, — ее голос мне мгновенно понравился, он громкий и вместе с тем тихий, а дикция... С такой дикцией только «Новости» вести.

— У меня и прав таких нет, назначать вам лечение, — а взгляд Горц настолько серьёзен, что я по-прежнему *не знала, как с ней* заговорить.

— Она — санитарка, Ань, — Акула возникла у меня за спиной.

Горц пригласила нас обеих присесть к ней на кровать, что мы и сделали вместе с Акулой.

И вот уже час я слушаю о судьбе Горц. Теперь я знаю всё. Это кажется, действительно более чем странно и ненормально, но мне в это хочется верить.

— ...Сначала они приходили во сне, потом они стали появляться днем, утром, вечером и говорить со мной. Мне нужно было записывать, — рассказывает Горц. — И я записывала. Они хотели, чтобы о них знали, чтобы человечество не совершало *больше ошибок, которые совершили они...*

— А сейчас, вы их слышите? — я стараюсь изо всех сил не быть похожей на врачей, которые расспрашивают пациента в палате, он выговаривается, и его качают уколами.

— Да, — недоверчиво отвечает она.

— Вы можете мне верить. Дело в том... — на этом я запина-

юсь, но понимаю, что молчать мне нельзя, иначе никакого доверия я от нее не добьюсь. — Я была в литературном сообществе города, и встретилась...

— С Германом, — не дав мне договорить, перебивает она. — Что он хочет?! — за мгновение ее лицо меняется и становится обеспокоенным.

— Он хочет убить Вас, — я не уверена, что такое ей стоит говорить. В отличие от дяди Васи, ее мне будет жаль, и убивать Горц в мои планы не входит, как бы того ни хотел какой-то Герман.

Она замолкает и усмехается, переводит свой взгляд на Акулу, которая смотрит на нее таким же взглядом, после чего обе синхронно поворачивают головы и смотрят на меня. Мне становится не по себе от таких взглядов настолько, что хочется бежать.

— Он бездарен, — начинает Горц, и тревога от моего сердца отступает. — Всё, что его интересует, — обеспечение его литературной студии и издание его книжечек, которые никто и никогда не будет читать. Все заглядывают ему в рот, даже те, кто на самом деле пишет куда лучше, чем он. Все хотят издать книгу дешевле, но качественнее, а организовать подобное может только он.

— Стойте, стойте! Но он действительно сказал мне, что хочет Вас убить! — всё, что говорит Горц, для меня не имеет никакого значения, мне нужно понять, могу ли я дальше делать то, что задумала, пока разговаривала с Олькой.

— Мне говорят, что я проживу долго, но для этого мне нужно восстановить свою книгу, — будто не обращая внимания, продолжает Горц. — Ты должна мне помочь, — она натягивает на своё лицо милую улыбку и берет меня за руки. Мне известно, с таким лицом используют людей, а потом эта улыбка пропадает,

и от тебя избавляются, я сама так делала.

— Я вам ничего не должна, — наверное, до меня стало что-то доходить, например, что Горц и Акула — всё-таки пациентки псих-интерната, а шизофрения — не индивидуальность, а болезнь. Мне нужно покинуть этих ненормальных, чем скорее — тем лучше.

— Если ты мне не веришь, — Горц продолжает говорить, пока я собираю краски и кисточки Акулы со стола, — сходи в литературную студию ещё раз. По четвергам Германа Робертовича нет в городе, он уезжает к детям. Найди Альбину Николаевну, она всё тебе расскажет.

— И не надейтесь! Вам нужно лечиться, отдыхайте! — из палаты больных я вылетаю, не собираясь больше задерживаться ни на минуту.

Было бы намного лучше смотреть на то, как кромсают голову Васе, вынимают мозг, как разрезают этот мозг, чем теперь идти по коридору и сгорать от любопытства. Во всем виноваты мерзкие сумасшедшие старухи, слова которых теперь заставляют меня думать о том, как уговорить Димку сходить в литературную студию ещё раз.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дома мне показалось, что я всё слишком драматизирую и мне нужно взять отпуск.

Телефон молчал весь день и вечером. Димка не позвонил. Мне уже представлялось, что он распространяет объявления о продаже своей квартиры или забаррикадировался в своей квартире и не собирается из нее выходить; а быть может, он простил мне долг и больше не хочет меня знать, потому что я ввязала его в нелепую историю, где на нас охотится престарелый редактор Герман, который хочет убить сумасшедшую Горц и ее подругу Акулу.

Весь вечер я тупо втыкала в телевизор, беспорядочно щелкая каналы. Ни одна картинка не могла заставить меня остановиться, я всё ещё думала о том, что мне сказала Горц, и её слова в сознании перебивались словами Германа Робертовича, а слова Германа Робертовича, в свою очередь, перебивали слова из телевизора.

В Подмосковье... Сходи ещё раз в литературную студию... Вы должны убить Горц и Акулину... Готовятся к празднику... Он бездарен!..

Утром я проснулась под те же новости о празднике, подумала, что это, скорее всего, говорит хоть о какой-то стабильности, или этого так хотят «Новости». Голоса Горц и Германа пропали, наступила ясность.

Идти на работу мне не хотелось, кроме того, утро за окном было безрадостным; как и в детстве, такая погода предвещала

для меня только беды и несчастья. Сплошная серость: на небе, на домах и на лицах тех, кто всё же пошёл на работу. Набирая номер Ольки, я думала о том, что она, конечно же, будет орать, что не останется на второе дежурство, хотя бы потому, что хочет спать, и в этом я нисколько не ошиблась.

— У меня температура, а в больницу я идти не собираюсь, я умру где-нибудь в очереди или по пути в регистратуру. Не важно. Мне очень плохо, — сочиняя байку о подорванном здоровье, я пыталась одновременно распаковать клубничный йогурт.

После того, как Олька продиктовала мне, какие лекарства нужно выпить, она взяла с меня честное слово, что завтра я выйду на работу, в каком бы состоянии ни была. Пришлось пообещать, но не факт, что завтра я не придумаю байку о том, что лекарства мне не подошли и мне стало хуже.

Пока Фимка демонстрировал свою обиду за то, что он был зверски мною отвергнут и предан, я была занята сообщениями в интернете. Не то чтобы мне много пишут, в основном это угрозы тех, кого я частенько довожу до истерики, пытаясь расслабиться. Среди всех этих незначительных угроз было сообщение от Димки.

«Почтальон пропал. Мне некого доводить. Подкинь какого-нибудь лоха!»

Димка был ещё не в курсе, что мы победили почтальона, а потому я быстро набрала ему сообщение с этой новостью, одновременно радуясь тому, что мой знакомый тролль не сошел с ума в своей квартире и всё еще в строю.

Йогурт заканчивался, Димка долго не отвечал, но был в сети, а потому я решила прочитать несколько угроз в свой адрес. Итак, одна обещала меня найти и выдрать волосы за то, что я

написала комментарий в блоге её мужа; муж обещал мне устроить оргию со своими друзьями и выкинуть под мост. Почему я этого не боюсь, но испугалась редактора? Снова я провалилась в свои мысли, размышляя об этом. В интернете я под картинкой, с неверными данными о себе, с никнеймом, а Герман Робертович видел меня настоящую, он знает, где я работаю, и действительно может меня найти. Да, хотя бы поэтому мне стоит его опасаться.

Димка прислал сообщение, и это вырвало меня из размышлений; я уже собиралась щелкнуть по значку конверта, но в дверь позвонили, и Фимка предательски звонко залаял.

На пороге стоял худющий очкарик с взъерошенными волосами, в клетчатой рубашке, которая показалась коричневой.

— У вас машина есть? — а в руках этого незваного и неизвестно были блокнот и ручка.

— А вы кто? — я ожидала увидеть на пороге врачей, потому что Олька вполне могла вызвать мне «скорую», но на пороге топталось вот такое явление.

— Ваш сосед сверху. Так есть машина или нет? — продолжал очкарик. Здорово, это мой сосед оказывается, а я и не знала. Мне вообще неизвестно, кто мои соседи, и никогда меня это не интересовало.

— Нет у меня никакой машины, — на этом я собиралась закрыть дверь, дабы больше не наблюдать мерзкую рожу с прищуренными глазами.

— Это хорошо, но если будет, — продолжал этот зануда, — то не ставьте её под окна, иначе на неё нечаянно свалится кирпич.

— Придурок, — с этим словом я захлопнула дверь перед

носом своего соседа и вернулась на свое место.

Сообщение я снова не успела открыть, потому что звонил телефон, это был Димка.

— Куда пропала? Что там с твоими психами? Че делать-то будем? — сыпал он вопросами, как только я приняла вызов.

— Нам нужно сходить в дом литераторов ещё раз, — смотря в окно на серость улицы, говорила я, понимая, что и он сейчас на меня заорет.

— Что?! — и я снова не ошиблась. Все такие нервные, вас бы в психушку, в отдельную палату, там быстро успокаиваются.

— Давай сходим. Последний раз, — я вставила свои слова где-то между его выкриками о том, что психи меня укусили и мне пора в палату к Горц.

— Последний раз?! Ну, прекрасно! — только Димка продолжал распыляться о том, что нас, конечно же, убьют.

— Ну, ты как это себе представляешь? Они же писатели! Эти вообще никого не убивают! — весомее этого аргумента, я уже не находила.

— Кто тогда, по-твоему, пишет детективы, где в подробностях... — продолжал Димка.

— Слушай, давай не будем углубляться во всё это. Мне плевать, кто пишет детективы. Давай сходим. Горц сказала, что сегодня... — я не собиралась сдаваться, мне нужно найти Альбину Николаевну, чтобы понять, насколько больна Горц.

— Отлично! Теперь ты слушаешь своих психов! — а Димка

всё не унимался.

— Хорошо, я пойду одна. Если меня убьют, то долг я тебе уже никогда не верну, — хотелось верить, что он жаден до денег и хотя бы ради возвращения долга пойдет со мной.

Димка замолчал, наверное, думал, потом выдал:

— Нас не пропустят, второй раз представителями мы быть не можем, — буркнул он.

— Что тогда предлагаешь? — после этого вопроса я ожидала очередной план, но всё оказалось куда проще, и Димку мне захотелось убить за то, что он раньше мне этого не сказал.

— Я ходил к ним налаживать компьютеры и там познакомился с одной девушкой, она у них что-то вроде библиотекаря. Вообще я во всей этой хрени не разбираюсь. Через нее, короче, можно попробовать, — говорил он.

Теперь кричать начала я, теперь мне нужно было в психушку, в отдельную палату, чтобы успокоиться и превратиться в растение.

— ...Как с ней связаться? — в конце своей маленькой истерики спросила я хоть что-то по делу.

И связаться с ней не составило особого труда. Уже через час после этого разговора мы с Димкой приехали в кафешку, где нас ждала его знакомая из литературной студии — Даша. Оказывается, только когда Димка назвал ей имя и фамилию: Анна Горц, эта изящная Даша согласилась с нами встретиться. Смотреть на нее мне противно, хотя выглядит она приятно и несет от нее сладкими духами, такие я когда-то тоже заказывала у Ольки.

— Значит, смотрите, — без особых приветствий встречает нас Даша. — У меня только час времени, потом обед кончается. Что с Горц? Ты говорил, что знаешь, где она, — и на меня Даша не обращает никакого внимания, а ведь это я — основной источник информации. Мне даже разговаривать с ней расхотелось.

Димка кивает в мою сторону и говорит, что о Горц известно только мне, а потому Даша изображает такую же улыбку, которую недавно на себя натягивала Горц, и переключает всё своё внимание на меня.

— Я ничего не скажу, пока не поговорю с Альбиной Николаевной, — мой ответ Димку не устраивает, и он наступает мне на ногу так, что я едва подавляю крик и визг.

— Вряд ли она захочет с Вами встречаться, если я ей ничего не передам о её подруге, — продолжая всё также улыбаться, отвечает Даша.

«Как она вообще попала в эту студию? — думаю я. — С ее внешностью нужно быть каким-нибудь консультантом в банке».

— Вряд ли я Вам что-то расскажу про ее подругу, — это всё происходит на подсознательном уровне, благодаря животным инстинктам, честное слово. С чего бы мне огрызаться с той, которая может нас спокойно провести в литературную студию, уменьшить наши проблемы? Это просто животные инстинкты: со мной сидит Димка, какой-никакой, но самец же, а напротив нас — самка, со всех сторон лучше меня: наверняка высшее образование, от неё приятно пахнет, и выглядит она привлекательнее. А Димке и вовсе не жалко мою ногу, он на неё уже не наступает, он её топчет. Ну не сволочь? У меня и без того сапоги выкидывать пора!

— Короче, ты сможешь провести нас в литературную студию? Меня можно пригласить снова компьютер починить, а она пока

встретиться с этой Альбиной, — наконец-то наш самец решил доказать, что он — самец, и заговорил.

Улыбка с лица Даши стёрлась, остался только бледный блеск на губах и ровно наложенный тональник. Она оценивающе смотрит на меня, потом смотрит на Димку, ее губы едва дрогнули в улыбке, после чего она подзывает официанта и заказывает кофе.

— Хорошо, я проведу вас, но вы могли это сделать и без меня. Завтра будет презентация книги одной местной поэтессы, вам ее имя ничего не скажет, но вы его должны запомнить, чтобы без труда пройти — Нина Невзрачная. Само собой, это псевдоним, но вам и этого достаточно, — на последних словах она снова смерила меня взглядом, и ей принесли кофе.

— Значит, и ваш Герман там будет... — вставляет Димка, но Даша его перебивает, изобразив удивление.

— Вы небезнадёжны, ребят. Не пытайтесь заговорить с ним о Горц, и вообще старайтесь меньше попадаться ему на глаза. Тусите где-нибудь около столиков с едой, туда он точно не сунется, а вот Альбину Николаевну вы сможете поймать именно там, — и снова её глаза, с ровной подводкой, смотрят на меня. — Форма одежды должна быть более-менее приличной, хотя бы банальные: белый верх, черный низ, — наконец-то она замолкает и пьёт кофе.

Дима уточняет время, и мы уходим.

— Такая мерзкая, — я даже передёрнулась, говоря это Димке, который спокойно идёт к своей машине.

— Из-за тебя мне завтра придётся брать отгул! Ты, что, не могла спокойно с ней поговорить?! — насчёт его спокойствия

я промахнулась, но отвечать мне нечего, потому я молча сажусь в машину и думаю.

Думаю, что завтра мне придётся снова врать о своём здоровье, что Ольке звонить нельзя, а потому лучше позвонить Кольке-БДСМ, он меня как-нибудь отмажет; но больше всего мою голову занимает мысль о том, что всё это — только начало моих проблем, потому что теперь Горц не кажется мне сумасшедшей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вечером мы напились, а потом почему-то решили, что это, возможно, наш последний вечер вместе. Никакой симпатии я к Димке не испытывала, но эта Даша, которую про себя мне хотелось бы назвать язвой, не выходила из головы, а потому хоть лучше она меня или умнее, а самец спал со мной и ночь мы провели вместе.

Утром мне было по-настоящему плохо, меня рвало: не то от того, что в трезвом состоянии я бы ни за что не переспала с этим увальнем (и на трезвую голову почему-то подробности пьяной ночи из головы не выходили), не то от того, что любимый виски этого увальня, смешанный с колой, — настоящая отрава. Неважно, в ванной я просидела часа полтора, тщательно стараясь смыть все ощущения, особенно ощущение того, как потное тело нависает надо мной и дышит в лицо перегаром. «Господи, у него сиськи больше, чем мои!» — но ощущения упорно не собирались от меня отмываться, а потому рядом с ванной стоял тазик.

В глазах временами темнело, временами всё шло разноцветными пятнами, но чаще всего красными, а сама я, наверное, была зеленая, потому ванну можно было бы назвать спокойно моим болотом... Но не дай Бог никому такого принца, которого мне на ночь подбросила попойка, от которого тошнит и хочется утопиться.

Наглотавшись разных таблеток от боли в желудке и от боли в голове, я улеглась на диван, пока увалень гулял с Фимкой до магазина, чтобы купить что-нибудь поесть и сигареты.

Пока я листала телефонную книжку, набитую кучей ненужных

номеров, телефон завибрировал в руке сам, и на дисплее появилась фотка Ольки. Отвечать мне не хотелось, но звонила она настойчиво, и вибрация постепенно переросла в музыку.

— И где ты? Только не говори, что всё ещё болеешь! Ты обещала прийти, твою мать! — «Твою мать! Какого хрена она так орет?!» — думала я, продолжая молчать. — Ты меня слышишь или нет?! Твоя художница подралась с Горц этой ночью! — и тут во мне что-то включилось, я забыла обо всём, и черно-белая картинка, которая всё это время была перед глазами, мгновенно ударила контрастными цветами.

— Что?! Их посадили в отдельные палаты?! — на мгновение мне показалось, что я прокричала это в пустоту, но Олька не заставила себя долго ждать.

— Охренеть просто! Ты со своими психами сама психом стала. Чего ты так переживаешь? Успокоительное вкололи обеим, спят до сих пор, — после её слов я громко выдохнула в трубку, а Олька продолжала: — Значит так, если ты через тридцать минут не появишься на работе, мне плевать на то, что с тобой потом будет, я уйду домой. Имей совесть! Я не спала двое суток! — кровь в висках с той стороны била ключом или молоточками, мне снова захотелось сдохнуть, но я часто дышала и пыталась вставить что-нибудь, пока Олька продолжала кричать и вспоминать о том, сколько раз ей приходилось меня отмазывать от начальства и сколько суток я ей должна по сей день.

— Я не приду, иди домой, — не знаю, услышала она меня или нет, но слушать её мне надоело, а потому, сказав это, я сбросила вызов и закрыла глаза.

Перед глазами было затмение. Не знаю лунное или солнечное, но это было затмение: что-то черное закрывало что-то красное, и лишь когда я резко открыла глаза, появилось белое

и затмение кончилось, закружились звездочки. «Ты со своими психами сама стала психом», — повторились в голове слова Ольки, после чего я начала снова водить пальцем по дисплею, ища номер Коляна. Почему буква «к» так далеко в телефонной книге?..

— Даже не думай, что я тебя отмажу, — и это он говорил вместо «привет» и даже не спросил, как я себя чувствую.

— Мне реально хреново, если не веришь, можешь прийти и посмотреть, — для полной картины, мне, наверное, нужно было покашлять в трубку, потому что по легенде, которую я впарила Ольке — у меня грипп, а не похмелье, но молоточки в висках и без того превратились в огромный молот, который уже давил на лоб.

— Вызови «скорую», — ответил Колян.

— Мы вернулись! — послышалось из коридора, но лучше бы они оба молчали — и этот увалень, и эта псина, который весь мокрый от снега, мгновенно оказался на мне и своей мордой ткнулся мне в лицо.

— Сука! Брысь отсюда! — Фимка снова получил и взвизгнул, но, наверное, больше от того, что его сравнили с котом.

— Да у тебя там веселье! — Колян хохотал в трубку, Димка, обутый, прошел в комнату и бросил на стол пачку сигарет.

— Слушай, если ты не отмажешь меня, я выложу видео в социальные сети, и тебя уволят к ебени-матери!

Снег, который растает пятнами на паласе, мокрая морда, огромный кусок сала, который пыхтел надо мной ночью и дышал перегаром, блевотина в тазу — всё это почему-то мгновенно

напомнило мне о том, как этот Колян в палате-одиночке трахал очередную психичку, которая была пристёгнута к кровати.

— Ладно, чё ты, — после недолгого молчания ответил он, но уже намного тише. — Ты обещала стереть, — добавил Колян, но меня это уже не интересовало, я снова сбросила вызов и выключила телефон.

Подробности мерзкого утра на этом в памяти кончаются, кроме, пожалуй, того, что с Димкой я старалась не говорить, а умирать мне было категорически нельзя, и молоко с хлопьями каким-то чудесным образом привели меня в чувства. Потом Димка пытался дозвониться до Даши, чтобы та напомнила адрес литературной студии, но всё время было занято, потому он решил снова понадеяться на навигатор, рассчитывая, что на этот раз он не подведет. Мне оставалось только удивляться тому, как можно забыть дорогу, если бывал в этом месте не один раз, попутно перебирая вещи и понимать, что любое шмотьё из моего гардероба никак не вяжется с облупленными сапогами.

Тем не менее, приличная одежда была найдена, а на сапоги я старалась не обращать внимания.

Навигатор не подвел, на этот раз мы доехали до литературной студии без посторонней помощи. Опоздали, примерно минут на двадцать, потому после того, как мы сказали, что прибыли на презентацию книги Нины Невзрачной, нас провели в зал, где в центре зала у микрофона уже говорила какая-то старушенция с обесцвеченными желтыми волосами и громадными очками, из-за которых не было видно глаз. Старушку обступала немногочисленная толпа; на первый взгляд, если бы я не помнила, где мы именно находимся, я бы приняла это место за дом престарелых, так как толпа состояла из пожилых людей и ничей вид не говорил о том, что они заботились о том, что надеть, прежде чем прийти сюда.

Димка вертел головой, очевидно в поисках Даши, но Даши нигде не было, и где-то в глубине души я даже была рада этому, несмотря на то, что кроме неё нам навряд ли кто-то скажет, как же выглядит Альбина Николаевна.

Стараясь как-то затеряться в этой толпе, я только больше вызывала удивлённые взгляды, но больше всего я боялась, что меня заметит Герман Робертович, которого мне пока не удавалось наблюдать.

Пока белобрысая старушка что-то говорила в микрофон, (я едва понимала, что она читает стихи), Димка куда-то пропал, а рядом со мной появился лысый высокий старичок в черном старом вышарканном пиджаке.

— Вы тоже пишете стихи? — прозвучало над моим ухом.

На уровне моих глаз была только его грудь в тёплой кофте, потому мне пришлось поднять глаза. Улыбка у него была доброжелательная, безобидная, отчего я улыбнулась в ответ.

— Нет, только читаю, — соврала я.

Нас оборвали аплодисменты, мне подумалось, что дед исчез, но в то время, когда ведущий, который когда-то был тем, кто не пускал нас с Димкой в эту студию, объявил о том, что все желающие могут прочитать стихи Нины Невзрачной, выйдя к микрофону, дед снова появился около меня.

— Прочтете нам что-нибудь? — он протянул мне тоненькую книгу, которая больше походила на брошюрку.

Аплодисменты заглушали мои слова о том, что я стесняюсь публики и не умею выразительно читать, а когда настало неболь-

шое затишье, дед сказал о том, что мне не стоит стесняться и здесь все «свои» и, всучив мне книгу, замолчал, устремив взгляд к микрофону, к которому вышла полная женщина (старухой ее мне почему-то назвать не хотелось).

— Альбина Николаевна, — шепнул мне дед. — Потрясающая женщина! — добавил он и снова замолчал.

Слова эти подействовали на меня как заклинание, от которого я подалась вперед и пробралась в первые ряды, кого-то потеснив и не извинившись.

Вникать в то, что она читает, у меня не получалось, но я смотрела на нее, мысленно уговаривая посмотреть на меня, смотрела так, что все остальные перестали для меня существовать, что вокруг «потрясающей женщины» образовалась темнота, где она была освещена прожектором сверху и стоя у микрофона что-то читала.

Зрительного контакта не получилось, дочитав, она смотрела на всех и ни на кого одновременно, сыпля «спасибо» и кланяясь.

— Есть ещё желающие? — спросил ведущий.

Меня охватила дрожь, мне хотелось выйти вперед, чтобы Альбина Николаевна меня заметила, прочитать стих, но я понимала, что публику я на самом деле боюсь, что кроме Альбины Николаевны, заметит меня и Герман Робертович, что кроме них двоих меня увидит Даша и обязательно обратит внимание на мои разбитые сапоги, что голос мой задрожит, что стихи я читать не умею...

— Смелее, — голос старика, который всучил мне книгу Нины Невзрачной, пронесся над ухом, меня легонько толкнули вперед, но этого было достаточно, чтобы я внезапно даже для самой себя

выпалила:

— Я хочу прочитать! — выходя вперед.

Ведущий меня явно узнал, у него даже чуть не открылся рот, но он быстро нашелся и попросил всех поаплодировать мне, назвав меня при этом смелой девушкой.

В голове зазвенело, все перед глазами становилось белым, а тела я почти не чувствовала, всё происходило на каких-то рефлексах и инстинктах.

Оказавшись у микрофона и пытаясь открыть книгу, я обнаружила, что руки у меня трясутся, и книгу я могу просто выронить, что все смотрят на меня и чего-то ждут.

Наконец книга раскрылась и мелькнула половина пустой страницы.

«Маленькое!» — пронеслось в голове и я, ухватившись за эту мысль, поняла, что стихотворения на открывшихся страницах всего в четыре строчки.

— Из.. вините, — невнятно сказала я в микрофон и тут же пожалела об этом, потому как голос я свой не узнала, и это ужасное звучание заполнило собой весь зал, и все это слышали. Мне оставалось только смотреть в книгу и не поднимать глаза, чтобы никого не видеть. Лицо горело.

— Поаплодируем девушке еще раз, поддержим! — уже без микрофона сказал ведущий и меня вновь осыпали аплодисментами.

— Не сходи за меня с ума, — начала я не своим голосом, от которого захотелось оглохнуть, как только всё смолкло. —

Посылай всех скорее к чёрту, — тут я запнулась, понимая, что и без того мерзкий голос нужно было бы повысить, потому что в конце был восклицательный знак. — Одиночество — не тюрьма, — несмотря ни на что продолжила я. — Одиночество нынче — модно.

После этого позора хотелось выдохнуть и убежать, но мне снова зааплодировали, и я этому удивилась до того, что наконец-то посмотрела на толпу. Почему-то они все улыбались, несмотря на то, что это чтение — было самым худшим за всю историю чтения стихотворений.

— Молодец, молодец! Все мы волнуемся, когда выходим к микрофону, ничего страшного, — как только я отошла от микрофона, около меня снова образовался этот высокий старичок, который обняв меня за плечи, куда-то вёл.

— Это ужасно, — выдохнула я, говоря больше самой себе.

— Разрешите представиться, Виктор Иванович Вёрстов, — старик отпустил меня и протянул руку, мне осталось только ответить рукопожатием и представиться:

— Софья Николаевна.

— О, секунду! — он посмотрел поверх моей головы. — Альбина Николаевна! Можно Вас на минутку? — после этого я ссутулилась так, что надеялась мгновенно превратиться в мышь и прошмыгнуть в какую-нибудь щель, на улицу, несмотря на то, что компания Альбины Николаевны как нельзя кстати.

— Здравствуйте, Виктор Иванович, — она появилась около него мгновенно, и они тут же обнялись, после чего она обернулась ко мне, приветливо улыбаясь. — Вы — молодец! — мне казалось, что она восхищается, так сияли ее зеленые глаза, подведён-

ные черным карандашом и белоснежная улыбка в которую были вставлены протезы.

— Нет, это ужасно, — зачем-то снова сказала я, все еще надеясь превратиться в мышь.

— Софья Николаевна, Альбина Николаевна, — вмешался Виктор Иванович, — пойдёмте, выпьем чай, я ничего не ел с самого утра.

Встретившись с Димкиным взглядом, который буквально говорил мне: «Ты что, охренела?!» — хотелось отказаться от этой приятной, несмотря ни на что, компании, но оба взяли меня под руки и куда-то повели.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пробитая голова Сеньки, доведённый до самоубийства дед Вася, Акула, которая укусила Ольку и рисует странные рисунки, Горц, которая требует от меня помощи, неядовитая змея, сосед очкарик, перепихон с Димкой, мерзкая Даша и даже облупленные сапоги — всё это было где-то далеко, за плечами, это нельзя было показывать остальным, это оставалось моим личным хламом в кладовке, и к этому не хотелось возвращаться, чтобы навести порядок. Возвращали меня туда только мысли о том, что я здесь из-за Горц, что эти писатели наверняка знакомы с ней, а в голове крутилась только ее фамилия: «Горц, Горц, Горц...»

Писатели привели меня в комнату, которую назвали читальным залом, пояснив при этом, что это — не тот читальный зал, который бывает в библиотеках, в этом читальном зале они собирались по воскресеньям и читали вслух свои произведения друг другу, а потом высказывались и выслушивали...

— Как интересно, — вставляла я, пока подруга Горц воодушевленно рассказывала мне об этом месте.

Вёрстов тем временем суетился у небольшого стола: наливал чай, раскладывал печенье, конфеты по вазам. «У писателей всё наоборот, что ли?» — подумала я, наблюдая за этим.

— А вы не хотите купить мою книгу для детей? — внезапно выпалила Альбина Николаевна. Мне показалось на мгновение, что, наблюдая за Вёрстовым, я что-то пропустила, а потому непонимающе уставилась на эту женщину, которая, кстати говоря, была ниже меня ростом, а потому едва ли не махала небольшой красочной книжицей перед моими глазами.

— У меня и детей-то нет, — пожав плечами, выдала я первое, что пришло в голову.

— Это сейчас нет, потом будут! — отмахнулась она и посмотрела на меня так, как будто ей были известны все самые тошнотные подробности моей прошлой ночи.

— Фу! — выдохнула я, поморщившись, но тут же осеклась, наблюдая за лицом Альбины Николаевны, которое почему-то мгновенно выразило ужас и смятение. — Здесь так жарко... Извините, — и хотя жарко не было, мне пришлось смахнуть со лба выдуманный мною пот и пройти к окну. Заводить разговор о том, как мне противны дети — было бесполезно, писательница начала бы спорить, а мне этого не хотелось.

— Книжка совсем не дорогая! — но Альбина Николаевна сдаваться не собиралась и встала на моем пути. В этот момент я вообразила, как бы эта женщина продавала что-нибудь в деревне, например, молоко, а потом почему-то на какую-то долю секунды мне показалось, что я в стенах родной психарни и передо мной очередная шизофреничка. Например, та же Акула, которая вдруг решила продать мне свой идиотский рисунок, а ему — грош цена.

— Сколько? — утомлённая ее назойливостью, спросила я, уже по-настоящему желая открыть окно и впустить в этот зал свежий воздух, который мог бы что-нибудь изменить, хотя бы прогнать из моего воображения приевшиеся образы психов.

Недорогая книга по моим меркам оказалась довольно дорогой, у меня таких денег с собой не было, впрочем, у меня вообще никаких денег с собой не было.

— Подарите родственникам или оставите себе на память

о нашей с вами встрече, — продолжала тараторить книжная торговка, совсем не обращая внимания на то, что моё лицо не выражает ничего, кроме усталости от её болтовни.

— Знаете, у меня деньги в машине, точнее карточка, наличных с собой нет, — будучи уверенной в том, что Альбина Николаевна вряд ли оснащена банкоматом или терминалом, я направилась к окну.

— Давайте чай пить, чего ты со своими книгами пристала, — проворчал Вёрстов, видимо тоже устав от трезвона Альбины Николаевны.

— Так, может, ты купишь? — она уже обращалась к нему, а я стояла у приоткрытого окна и смотрела на серый город. Почему-то он казался мне пустым, несмотря на то, что люди, как и прежде, ходили, машины и трамваи ездили, а снег по-прежнему падал, но уже не такими огромными хлопьями, как накануне.

— Я тебе книгу свою бесплатно подарил, а ты мне за деньги, — доносились до меня слова Вёрстова. Чего не хватало в этом городе? Чего-то не хватало, и я не могла понять чего именно, да и не успела бы я понять, потому что Вёрстов позвал меня за стол.

Чай без сахара, какие-то сушки и дешевая карамель. Мне никогда не было известно, что обычно едят в таких заведениях, как литературный салон, но я почему-то рассчитывала на большее, в то же время понимая, что всё, что можно было бы подать гостям, осталось там, откуда меня увели.

— А ты слышал, — что-то жуя, начинала Альбина Николаевна, сидя рядом с Вёрстовым, — Совков умер, — на этих словах почему-то замерла даже я, не говоря уже о Вёрстове, который буквально побледнел и едва не выронил чашку с чаем. Наступила скорбная тишина, на которую не обращала внимания только Аль-

бина Николаевна, продолжая опускать сушку в чай.

— Как умер? — приходя в себя, спросил Вёрстов.

— Ну, вот так — взял и умер, — пожав плечами и не отрываясь от своей еды, продолжала Альбина.

Вёрстов стал сам на себя не похож: он мгновенно осунулся на лицо и пожелтел, руки его затряслись так, что чашку они уже были неспособны удержать, потому он был вынужден её отставить.

Мне стало неловко, я не знала, куда деть руки и что говорить (и нужно ли что-то говорить?), но и обращаться в подобие Альбины Николаевны и переключить всё своё внимание на чай, мне не хотелось, хоть меня и вправду всё это ни капли не касалось.

Увидев моё смятение, Вёрстов почему-то облегченно выдохнул, а потом сказал:

— Софья, проводи меня, пожалуйста, до выхода, я сейчас вызову такси. Мне нужно к Совковым, — говорил он отрывисто, будто прокручивал в голове не одну мысль, а сотни сразу и вылавливал среди этих мыслей нужные слова, чтобы попросить меня проводить его к выходу.

«Потрясающая женщина», которая уже не казалась мне потрясающей, продолжала есть, как будто она находилась совершенно в другой комнате или в комнате вместе с нами, но отделенная от нас стеклом, толстым, пуленепробиваемым стеклом.

Держу пари, она не заметила, как мы вышли. Вёрстова я взяла под руку, это уже происходило автоматически, мне пришлось вернуться к своей привычной работе; радовало только то, что вела я по коридорам не психа, а писателя и вела не по коридо-

рам психушки, а по коридору писательского салона.

— Пошутила она, что ли, — опуская голову, пробормотал он, продолжая следовать вместе со мной к лестнице. Казалось, что он таял на глазах, я боялась, что он свалится в обморок, совсем забывая о том, что у меня, в моей кладовке за плечами, где-то валяется диплом о медицинском образовании.

— Разве шутят такими вещами? — в голос я постаралась вложить всё своё сочувствие, но прозвучало это так, будто покойный Совков был моим знакомым.

— Она мерзкая! — Вёрстов остановился, на лице его снова появились признаки жизни: оно мгновенно покраснело и перестало быть жёлтым. — Писательница она талантливая, но как человек — сволочь! Любой талантливый писатель обязательно — сволочь! — он говорил с такой злобой и омерзением, будто ненавидел всех писателей и себя в том числе.

Ответа на это у меня не нашлось, Вёрстов извинился за то, что сказал мне, и мы пошли дальше.

В раздевалке я обменяла номерок на свою одежду и едва успела накинуть на себя пуховик, так как Вёрстов уверенно двигался к выходу.

— Одежда Вёрстова... Где она? — не зная, то ли бежать за ним, то ли остановить, спросила я гардеробщицу, но та лишь пожала плечами.

Махнув на нее рукой, я помчалась за писателем, сама не понимая почему, переживая, что он простудится и умрет, как покойный Совков.

Вёрстова я догнала уже на крыльце.

— Вы забыли одежду, — зачем-то наматывая на себя шарф, выпалила я, как только столкнулась с ним.

— Машина сейчас подойдет, — ответил он так, будто жизнь для него перестала иметь какой-либо смысл, а потому в теплой одежде он или нет — ему всё равно.

— Уже вызвали? — я спросила это, потому что не видела, как и когда он вызвал такси, впрочем, для этого не нужно много времени. Он кивнул в ответ.

— Вы идите, Софья, спасибо, что проводили. Увидимся с Вами еще, я уверен, — он не смотрел на меня, он выходил с крыльца во двор, медленно, никуда не торопясь. Снег облепил его пиджак, сминался под его туфлями. Поежившись и не зная, что ответить, я смотрела ему в след, пока за мной не открылась дверь.

— Ты че здесь стоишь? Я тебя везде ищу. Нашла эту Альбину? — передо мной возник Димка, а Вёрстов окончательно пропал с моего поля зрения, за ним мне наблюдать уже было некогда.

— Она в читальном зале, идём. Я покурить выходила, — почему-то мне не захотелось посвящать Димку в новость о покойном и совсем неизвестном нам Совкове.

Мы шли по коридору молча, я вела его обратно в читальный зал, дверь которого была уже распахнута настежь. Пока мы шли, я ждала от Димки каких-нибудь слов о моем незапланированном выступлении перед публикой, но он молчал, как будто этого и не было, а я не стала заводить этот разговор, потому что мне хотелось об этом забыть больше, чем о ночи с ним.

В зале никого не оказалось, Альбина Николаевна уже успела его покинуть.

— Ну и где? — разводя руками и демонстрируя мне отсутствие кого бы то ни было, буркнул Димка.

— Может, она в банкетный зал вернулась? — предположила я, проходя в зал.

— Там уже все расходятся, — ответил он, следуя за мной.

Лампочка, которую я до этого не замечала, начала мигать, дверь за нами захлопнулась, как мне показалось, от ветра, который ворвался в открытое мной ранее окно.

Ни меня, ни Димку это почему-то не насторожило, пока мы оба не подошли к двери, чтобы открыть ее. Она оказалась запертой.

— Захлопнулась, че теперь делать? — подергав дверь, заключил он. Лапочка погасла, в зале почему-то стало темно, как бывает темно ночью в комнате.

— Эй! — испугавшись, крикнула я, вцепившись в Димку.

На этом мои воспоминания заканчиваются. Меня ударили по голове чем-то тяжелым, в глазах потемнело, что я видела в отключке — уже не вспомнить, но меня это и не волнует.

Над нами светит тусклая мерзкая лампочка, мы явно в каком-то подвале, не связанные, но запертые. Дверь не поддается, пол каменный — отсюда нам уже не сбежать. Мобильники наши пропали, как и всё содержимое карманов — у Димки ключи от машины и бумажник, а у меня всякий хлам и мелочь, не было и моего пуховика. Пуговицы на наших одеждах зачем-то среза-

ли, ремни сняли, обувь забрали. Можно замерзнуть от каменного пола, но здесь на удивление тепло — почти палата, вот только ни кроватей, ни мягких стен здесь нет, да и мы, как я уже говорила, не связаны по рукам и ногам.

Димкина истерика кончилась несколько минут назад, до этого он бил в стены и кричал неизвестно кому, что они понятия не имеют, с кем связались, и он обязательно их всех убьет. Мне хотелось надеть на него смирительную рубашку и вколоть диазипам, но он сам вдруг замолчал и сел рядом со мной — не задавая вопросов, ничего не говоря.

Как все хорошо начиналось и как все закончилось — это не умещается в моей больной от удара голове. Стихи, Вёрстов и Альбина Николаевна. Мне хотелось бы подумать на мерзкую Дашу, что это она нас заперла здесь, но ее вытесняет «потрясающая женщина», которая, наверное, все же пошутила насчет смерти Совкова, чтобы Вёрстов не был свидетелем происходящего.

«... Как человек она — сволочь», — добавляют масла в огонь слова Вёрстова, которые почему-то не уходят из головы.

— Мы им нужны, — не знаю, кого в первую очередь мне хочется успокоить — себя или Димку, но тишина надоела, до нас не доносится ни голосов, ни каких-нибудь звуков — полная тишина, которую и вообразить было бы страшно, но мы ее слышим.

— Если нас не убьют и отпустят, я сам лично убью твою Горц и всех психов! — шипит он, охватив голову руками.

— Нас не убьют, — как бы мерзко я себя ни чувствовала утром, когда вспоминала, что мы делали ночью, сейчас я спокойно положила голову на его плечо. Пока мы вместе — мне не страшно, хоть я и знаю, что в любой драке Димку убьют первым, что он никого не убьет, а если нас отпустят, он точно всё

бросит и уедет так далеко, что мне его никогда не найти.

Почему-то становится грустно. Мне даже не хочется, чтобы нас отпускали, но разум вовремя возвращается на свое место и заменяет эту мысль другой: нужно ждать, когда откроют железную дверь, за которой слышно только тишину, а Димка... Сбежим вместе, если нас выпустят.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Несколько раз я представляла себя на месте Сеньки. Тишина доводила до того, что хотелось разбежаться и разбить голову об стену, но пространства в этом подвале мало, хватит только, чтобы вывернуть шею, а это вряд ли приведет к смерти. Димкина нервозность некоторое время передавалась мне, но в какой-то момент стало всё равно, что с нами будет. Мы перебирали все возможные варианты для чего и кому мы понадобились и сходились только на одном: нужно было убить Горц, всё это сделал Герман Робертович. Мы доходили до абсурдных размышлений, что это вселенский заговор, в котором участвовал весь дом литераторов, и до тех, которые казались нам более-менее реальными: выпустят только меня, а Димку оставят здесь, пока я не убью Горц. Мы говорили и говорили, пока Димке это не надоело и он не замолчал. Потом мы решили, что нужно следить за дверью, но так как его уже окончательно клонило в сон от всего пережитого, я согласилась на дежурство, мол, мне не привыкать.

Тишина снова стала сводить с ума, а я смотрела на дверь: коричневая от ржавчины, местами ржавчина отвалилась из-за того, что Димка колотил по ней как сумасшедший — она казалась неприступной, я уже вовсю представляла, что за ней ничего нет. Темнота, пространство — некуда бежать, некого звать на помощь. Мне больше не хотелось об этом думать, но чем больше я смотрела на дверь, тем больше об этом думалось, пока я не перевела всё свое внимание на спящего Димку.

Коричневая шерсть, с рыжиной на спине, маленькие черные глаза, острые зубы, черные усы. Крыса. Нет на свете ничего отвратительнее крысы. Она каким-то образом оказалась здесь, пока я смотрела на Димку и думала, что не так уж и плохо

было бы остаться с ним и что я, во всяком случае, рада, что сдохну в его обществе, а не в палате со своими психами; но писк и фырканье всё испортили. Грызунов я не боюсь и не только потому, что в студенчестве резала их направо и налево: в моем детстве их было достаточно, но то были ручные хомяки и крысы, а это — дикая и появилась рядом со мной не потому, что я попросила об этом родителей, а потому что она сама захотела здесь оказаться. Крыса, которая не ожидала нас здесь увидеть, замерла в оцепенении, превратилась в комок скатавшейся грязной шерсти. Тишина доводит до того, что мне чудится стук ее испуганного сердца, но, глядя на это мерзкое создание, мне хочется думать, что у такой твари нет сердца, как и у той твари, которая заперла нас здесь. Заперла...

— Дима, — мне пришла гениальная мысль, пока я глядела на эту тварь. Димке пора просыпаться, но он видимо забыл, где мы, а потому отмахивается от меня. — Дима! Вставай, мать твою! — чем громче становится мой голос, тем больше вероятность, что эта мысль ускользнет от меня вместе с крысой, и я не успею понять куда.

— Что?! — от его крика грызун бежит в противоположный от нас угол.

— У нас гости, — взглядом я указываю на крысу, надеясь, что до него дойдет, что я имею в виду.

Он смотрит на нее, ухмыляется и собирается лечь обратно.

— Я уж думал, пожрать принесли, — бормочет он. Чего еще можно было ожидать от толстяка.

— Придурок, проснись! Это ключ! Она как-то прошла сюда, значит, можно выбраться! — мой громкий шепот доносится до несчастной твари и ещё больше загоняет ее в угол, загоняет

так, что кажется, она сейчас пройдёт сквозь стену и исчезнет.

— Соня, ты сходишь с ума. Крысе достаточно щели под дверью, чтобы прошмыгнуть сюда, при всём моём желании я так точно не смогу, — он разбивает все мои надежды, все мои претензии на гениальность, все мои мечты о свободе и укладывается обратно ко мне на коленки.

И если бы я считала его умным, то поверила бы ему и продолжила смотреть на крысу, которая постепенно превратилась бы в точку, мои глаза закрылись бы — и я бы уснула, с бесцветной надеждой на то, что завтра дверь, которая напротив нас, откроется.

— Её нужно напугать, — Димку я сталкиваю и встаю на ноги. Пусть думает что хочет, у нас, наверняка, куча времени, мы уже Бог знает сколько сидим здесь, мне надоела тишина; и если тварь, которая заперла нас, надеется, что мы — сдохнем, я готова развеять ее надежду криками, разговорами — чем угодно, лишь бы оставаться живой.

— Ты добьешься своего, она тебя укусит, — слышу за своей спиной недовольное ворчание; а ведь еще несколько минут назад я думала, что остаться с ним — вполне неплохо. Рассудок в тишине явно сдает, но мне всё равно, пусть говорит, пусть отговаривает и делает всё, чтобы быть живым.

— Иди сюда, — это не ему, это крысе. Она повернулась ко мне, будто готова напасть, но куда ей деваться от меня? «Нет ничего ужаснее крысы», — думает человек; «Нет ничего ужаснее человека», — думает крыса.

Мерзкая Даша сейчас, наверняка, ставит новую аватарку в социальной сети, Инга думает о том, почему я не прихожу и не покупаю то клубничный, то вишнёвый йогурт, Колян думает

о том, как уничтожить то видео, которым я его шантажирую, а я в подвале — пугаю крысу, надвигаюсь на нее и хочу схватить, хочу, чтобы она вырвалась и убежала, чтобы она показала мне путь к свободе!

Мой крик оглушает даже меня; от понимания, что крыса почти в моих руках, внутри всё переворачивается и становится ярким, как в детстве, когда ловишь редкую бабочку, но в моих руках — не бабочка. Коричневая шерсть скользит в ладонях, а я перехватываю испуганную тварь и сжимаю так, что в пальцы отдает стук сердца, всё-таки сердце у нее есть, но через мгновение ощущаю в пальце боль как от пореза.

— Сука! Дрянь! Куда?! — крыса вырывается, бежит к Димке, но понимая, что и он для нее — большая опасность, разворачивается к двери.

От такой боли почему-то темнеет в глазах и хочется упасть на холодный пол.

— Чего разорались?! Заткнулись там! — готова поклясться, этот голос я узнаю из тысячи, но не успеваю — ноги подкашиваются сами собой, а в глазах становится темно, так темно, как будто бы я разбила голову, как Сенька.

Мне холодно, я чувствую, что куда-то лечу, но перед глазами не темно, перед глазами: подтаявшее мороженое в виде мозга, которое почему-то находится в стаканчике из-под моего любимого йогурта. Мне слышится Димкин скулёж, но он почему-то похож на скулёж Фимки, я даже чувствую, что по лицу елозят чем-то мокрым, и успеваю подумать, что нахожусь у себя дома, а Фимка меня пытается разбудить. В какое-то мгновение даже появляется желание перевернуться на бок, лечь удобнее и продолжить спать, но вдруг — меня будто бы бьет током, я вздрагиваю и резко открываю глаза.

Пока зрение приходит в норму, мне кажется, что передо мной Инга с ярко-красными губами, я моргаю несколько раз подряд, но ничего не могу понять.

Перед падением мне слышался голос Ольки, но после скулежа, который был то ли Димкин, то ли Фимкин, уже ни в чем не уверена. Передо мной и вовсе — белый потолок.

— С ним-то че делать? — я снова слышу знакомый голос, это Колян, но голова такая тяжелая, что мне ее не повернуть в ту сторону, откуда доносится вопрос. Глаза вот-вот снова закроются, мне кажется, что я все ещё не пришла в себя.

— Оформим как психа. Никому и в голову не придёт его здесь искать и сюда звонить, — снова мне слышится голос Ольки, но я закрываю глаза и погружаюсь в дрёму, которая меня так сладко обволакивает, что не хочется думать ни о чем.

Писатели, Горц, Герман, Вася, Дима — всё очень-очень далеко, я про них начинаю забывать. Во сне становится легко, почему-то снится лес, теплый солнечный день, пение птиц, которое я точно слышу и не могу наслушаться. Вижу, как иду по пыльной тропинке, которую выкатали большие машины, вижу впереди себя настоящий хвойный лес...

— И всё будет хорошо. Мы напишем об этом книгу, — едва знакомый женский голос действует на меня так успокаивающе, отчего я соглашаюсь и что-то отвечаю. Однако стоило мне на это отвлечься, как лес пропал, и я очутилась в полной темноте. Кажется, что земля уходит из-под ног, пытаюсь зачем-то отступить назад, но вижу, что на меня несется огромная крыса, такая огромная, что до меня доходит только одно: нужно проснуться, чтобы она меня не растоптала.

Не знаю, как у меня это получается, но я снова резко открываю глаза. Снова звенящая тишина и белый потолок. Кажется, за окном утро, только серое, потому что ни от одной стены нет никаких солнечных бликов, солнце всегда видно, даже если не можешь повернуть голову и посмотреть на него.

Пока мне понятно только одно: я в постели, потому что под головой — мягкая подушка, потому что на мне теплое одеяло, но мне не понятно — где я. Хотелось бы верить, что в палате, только никакие запахи больницы не дают о себе знать. Одежда на мне та же самая: без пуговиц, без ремня.

Крыса, меня просто укусила крыса. Почему я теперь не в подвале? Где Димка?

Наконец-то я отрываюсь от кровати и осматриваюсь вокруг: это комната, где одна кровать, на которой я лежу, рядом с кроватью — столик, на котором стакан воды. Зеленые обои, зеленые шторы, зеленый ковер на полу — всё это отдаленно напоминает мне кабинет Германа... как его там? Завершает всё это — очередная закрытая дверь.

Голова гудит и идёт кругом, но мне нужно узнать, где я, а потому, завязав свою рубашку, которая теперь без пуговиц, пытаюсь встать с кровати, чтобы дойти до двери. Больной палец тут же дает о себе знать, боль неприятная, как от пореза. Никто мне его не забинтовал, несмотря на то, что из-за этого крысиного укуса почти вся рука теперь в крови; наверное, крыса укусила до самой кости — рана всё еще кровоточит, стоит мне только согнуть и разогнуть палец несколько раз. Зрелище завораживающее, как медику, мне никогда не было страшно смотреть на кровь — ни на свою, ни на чужую. Тут же до меня доходит, что грызун мог занести какую-нибудь инфекцию, но, кроме стакана с водой, у меня тут ничего нет, потому хватаю его и опускаю туда палец. Вода почти тёплая, видимо стоит тут достаточно давно.

Дверь открывается, я вздрагиваю и роняю стакан, но тот не разбивается, а только выливает из себя воду на ковёр.

— Вы? — мне снова начинает казаться, что я сплю — на меня идёт Горц, в своем черном старомодном платье с белым выбитым воротничком.

— Тише, тише, — она мгновенно оказывается передо мной и пытается уложить обратно в постель. Или напугать, как я пугала крысу? Сейчас она напоминает мне меня, а я себе — крысу.

Горц серьезно думает, что сильнее меня, и напирает. Глаза ее блестят, трудно угадать, что она испытывает сейчас — ненависть, интерес к этой борьбе или что-то, что мне никак не уловить в этом сумасшедшем взгляде? Она сильнее меня, хотя бы потому, что стоит и ей намного удобнее толкнуть мое тело обратно на кровать, а дальше она что собирается делать? Вовремя я вспоминаю про ноги и, упершись ей в живот, отталкиваю со всей силы. Горц цепляет за собой маленький столик, кажется, запинается об стакан, который я уронила, когда она вошла, и падает к противоположной стенке. Громко. Так громко, что мне страшно — не убила ли я ее, но думать об этом некогда, а проверять — тем более, я рвусь к двери. Дорвавшись, резко закрываю ее за собой. В дверном замке оказывается ключ, и он легко мне поддается — прокручивается несколько раз, после чего я отправляю его в карман своих джинсов.

Осматриваюсь по сторонам и понимаю, что ничего и не изменилось — я всё ещё в доме литераторов. Но какого черта тут делает Горц?

Тут же выясняется, что здесь похолодало, а я босиком, но это не так важно. Мне нужен телефон. Пока я не знаю, куда буду звонить в первую очередь: в полицию или в психушку, но мне нуж-

но позвонить. Узкий коридор, который освещается единственной открытой впереди дверью, представляется бесконечным, все двери, какую бы я ни пыталась открыть, оказываются закрытыми. После шестой или седьмой, я плюю на все остальные и бегу к той, которая освещает коридор, скорее всего это тот зал, где я встретила «потрясающую женщину» и Вёрстова.

Заслышав чьи-то голоса, я останавливаюсь и перестаю дышать. Мне страшно пошевелиться, и я не знаю, что меня там ждёт. До меня доходит, что я сглупила и упустила свой единственный шанс — нужно было бежать на улицу; но представив себя на улице вот в таком виде: в рубашке без пуговиц, босиком и в джинсах, которые едва задерживаются на бёдрах из-за отсутствия ремня — я тут же вижу себя в отделении в лучшем случае, в худшем — в своей психушке, но уже не в роли санитарки.

Пытаясь не дышать, я очень медленно шагаю вперед и прячусь за дверь, которая предательски начинает скрипеть. Голоса стихают, чувствуется всеобщее замешательство, после которого слышатся приближающиеся ко мне шаги; я окончательно каменею, веря в то, что дверь меня каким-то чудом спрячет, в то, что меня не заметят. Комнату покидает тот самый парень, который когда-то не пускал нас с Димкой в этот литературный дом, я вижу его сквозь щелку, между дверью и проемом. Он выходит, осматривается по сторонам, я готова наконец-то вздохнуть, но он резко разворачивается и оказывается передо мной. Довольная улыбка мелькает перед глазами, которые мне снова хочется закрыть, он хватает меня за руку и тащит в комнату. Все мои попытки упереться ногами в пол или вцепиться в дверь не сопровождаются никакими криками, мне и без того не хватает воздуха, но в какой-то момент рук, которые пытаются меня схватить, становиться больше, а я не верю своим глазам, не верю тому, что слышу. Этого просто не может быть, не может быть...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Вот живут же некоторые люди нормально: жрут, пьют, на работу ходят, трахаются, спят, но мы с тобой... — говорила мне когда-то Олька.

Не помню, при каких обстоятельствах она говорила мне это и что значило это «но мы с тобой», но глядя сейчас на нее, мне очень хочется напомнить ей эту фразу, сейчас эти слова как нельзя кстати, они точно описывают все события обычных санитарок психбольницы.

Нельзя было думать, что кроме меня больные никому больше не доверяют. Мне нужно было это понять. Нужно было понять, что на мне Горц не остановится. Сигналом должен был стать разговор с Олькой, когда она сообщила мне о драке Горц и Акулы. Почему я не придала этому никакого значения? Какая теперь разница... Для меня скоро всё закончится. Для Димки уже закончилось.

Мне уже не понять, зачем понадобилось вырывать ему глаза, но тело, которое превратили в мясо, пустые глазницы на ободранном лице — будет перед моими глазами, пока я не сдохну. За что его? Что он сделал? Мне, конечно, вряд ли кто-то скажет.

Саша. Этого парня, который нас с Димкой сюда когда-то не пускал, зовут Саша. Лучше бы мы его послушали тогда. Димка был бы жив.

Саша затащил меня в зал, а я не верила своим глазам, не верила, что всё это происходит со мной на самом деле. Олька,

Колян, мерзкая Даша, «потрясающая женщина», Герман. Когда я их увидела вместе, то пожелала только одного — смерти всему живому на земле, потому что одной умирать не хотелось и не хочется — хочется, чтобы всё умерло вместе с тобой, весь мир. Одной умирать — несправедливо. Несправедливо умирать и знать, что остальные будут жить.

Наверное, об этом же думал и Герман Робертович, с ним мы оказались в одной лодке, если он вообще тогда мог о чем-то думать. Лицо его было... Нет, лица вообще не было, от него вместе с кровью отпадали куски. Мне бы и в голову никогда не пришло, что человека можно так избить. Привязан Герман Робертович был банально к батарее.

— Где Горц, тварь?! — когда меня вывели в центр зала, парень ударил меня по лицу, так что его вопрос дошел до меня только тогда, когда меня поймал Колян.

— Тихо, тихо, Сань. Эта нам ещё нужна, не убивай, — можно было бы обрадоваться в тот момент, когда я попала в руки коллеги, если бы он не сказал то, что сказал. «Эта» означало, что я для него уже никакая не коллега — я просто для чего-то нужна.

— Где Дима? — в окружении врагов мне хотелось увидеть своего союзника или хотя бы верить, что он с ними не заодно. Он оказался не заодно, но союзника у меня больше не стало.

Саша хмыкнул мне в ответ, после чего схватил за руку и сказал, что если я дёрнусь, то слушать он никого не станет и убьет, потому мне было велено следовать за ним.

Шли мы недолго. Подвал оказался кладовкой на первом этаже, там я и увидела, то, что осталось от Димки. Руку мою Саша выпустил и даже разрешил подойти к этим останкам, но на меня напала тошнота и дикая истерика. Даже не помню, что случилось

раньше.

Меня били по лицу, но не для того, чтобы привести в чувства, а чтобы я заткнулась, только заткнуться у меня не получалось. Некоторое время я била в ответ, пока силы окончательно меня не покинули, пока до меня не дошло, что Димки больше нет, что я один на один со своими врагами, что их намного больше... Мне стало всё равно: я орала, он бил. Мне хотелось превратиться вот в такой же кусок мяса, как Димка: без глаз, без проблем, без страха. Всё бы закончилось, если бы снова не появился Колян, который оттащил от меня этого Сашу.

Вместо благодарности он получил от меня проклятия, пока вел обратно, он слышал о том, как я его ненавижу, у меня еще хватало сил угрожать ему и снова шантажировать, но он молчал и вёл обратно.

Когда мы вернулись, я увидела картину, которая наконец-то заставила меня замолчать: придавив голову Германа Робертовича к полу ногой, Даша что-то чертила ножом по его голой спине. Горц уже сидела в центре за столом, обложенная какими-то пыльными огромными книгами, и что-то читала в полтона, Альбина Николаевна стояла за ее спиной. Слова «потрясающая женщина» бабульке с улыбкой маньяка подходили в тот момент меньше всего, только если бы ее назвал так какой-нибудь придурок с извращённым воображением. Довершало это всё — отсутствие света и зажжённые свечи. Вечеринка сектантов — так бы я это и назвала, если бы смотрела со стороны, а не присутствовала бы при этом. Уверена, так это кто-то и назовет, когда всё попадёт в новости. Какой-нибудь обычный человек, который живет нормально: жрёт, пьёт, ходит на работу, трахается, спит.

Не хватало только Ольки, но ее отсутствие меня перестало волновать мгновенно, когда Горц бросила свой взгляд в нашу сторону.

— Что вы с ней делали?! Я сказала — не убивать! — тут я онемела. На нас смотрела уже не та старая психически больная Горц, которая когда-то бросалась мне в ноги и кричала о десяти годах работы, на нас смотрела молодая женщина. Мне даже показалось, что глаза ее светятся зеленым, когда она подошла к нам ближе. Горц схватила меня за подбородок, а мне уже было не до сопротивления. Она повертела моей головой, придирчиво осмотрела избитое лицо, которого я уже почти не чувствовала, цыкнула, назвала парней полными идиотами и вернулась на свое место.

— Я тебя убью, если ты не прекратишь, старый козёл! — Даша снова обратила внимание на себя этим криком. «Старый козёл», видимо, попытался вырваться, чем вызвал не только гневный крик, но и пинок по голове. Удивительно, что он не потерял сознание после такого. Даша снова прижала его голову и продолжила своё занятие.

В комнате появилась Олька, видимо, пока я смотрела на Дашу. Она поставила рядом с Горц подсвечник, та ей что-то шепнула, и Олька двинулась к нам.

— Идём со мной, будь умницей, — Олька улыбалась во все зубы, когда говорила это и забирала меня у парней. «Будь умницей» она говорила редко, очень редко, когда в психарне не хватало рук и ее отправляли делать уколы в палаты-одиночки.

Так мы вдвоем вернулись в комнату. Олька усадила меня обратно в кровать. «Будь умницей» подействовало на меня как на обычного психа, как заклинание на всё моё воображение. Мне уже ничего не представлялось, я уже ни о чем не думала. Она велела сесть на кровать — я села на кровать и смотрела впереди себя. Олька села напротив. Прибывая в странном состоянии, с абсолютно пустой головой, я тупо смотрела в одну точку.

Образы молодой Горц и старой Горц моё сознание никак не хотело принимать, они путались с образом мерзкой Даши, которая кромсала вовсе не Германа Робертовича, а Димку. Так продолжалось, пока в комнате на мгновение не зажегся огонь — Олька закурила и шумно выпустила дым.

— Ты извини, — заговорила она, — мне и самой в это не верилось, но чем черт не шутит! Не каждый день пациент обещает тебе вечную молодость в обмен на ненавистную коллегу. Кто ж знал, что это — правда. — Она замолкает, затягивается и продолжает: — Впрочем, я рада, что всё так сложилось, что не попаду в психушку на её место.

«Ненавистная коллега» — это я. Почему-то у меня эти слова не вызвали даже удивления. Каждый день люди ненавидят друг друга, с тех пор как кто-то придумал работать с восьми утра — все ходят на работу и ненавидят друг друга. Ольке я ничего никогда плохого не делала, но она меня ненавидела, а я ненавидела ее. Мы приветствовали друг друга с улыбкой и желали про себя друг другу гадости, мы пили вместе чай в обеденный перерыв, а в головах была кровавая картина, как одна убивает другую.

— Димку за что? — попытка печально усмехнуться пресеклась болью, только в этот момент до меня стало доходить, что на лице нет живого места, что оно полыхает огнём.

— Парня твоего? — переспрашивает она. Парня... Мы даже парой не были, он пострадал ни за что, а я так и не отдала ему долг. — Ты извини, — Олька снова начинает с извинений, — он много шумел. Мы хотели с ним договориться, даже обещали отпустить, но он так кричал... И без тебя уходить не собирался. Преданный, — выпустив снова дым, заключает она.

«Преданный» — отдается в голове. Захотелось плакать, и, наверное, так и получилось. Преданный, а я бы предала, я бы

ушла без него, я же думала о том, как было бы правильно — выбежать из комнаты на улицу и попросить помощи у прохожих; я даже не подумала о нём в тот момент, мне и в голову не пришло разыскать подвал и высвободить Димку, а потом бежать вместе.

— А глаза? — спрашивая ее об этом, я жду очередного «извини», которое должно бы было меня взбесить и заставить наброситься на нее, заставить разорвать в клочья, вырвать этой твари глаза, но она продолжает молчать и выпускать дым. Видно только огонёк от зажженной сигареты, который то становится ярче, то тусклее, чувствуется только сигаретный дым, который расползается по комнате.

Вместо ненависти к Ольке на меня нападает пустое сожаление. Что бы я увидела, если бы нашла кладовку? Мясо, которое осталось от Димки. Получается, что своей участи я бы не избежала, но тот факт, что я не подумала о нём, пытаясь спастись, где-то в груди превратился в камень и не дает вздохнуть, заставляет плакать и всхлипывать.

— Ну, хватит! — голос Ольки доходит до меня только тогда, когда она оказывается рядом со мной и толкает на кровать, чтобы я легла.

Мне видно, что в ее руке мелькает шприц. Хочется, чтобы там был хлорид калия, например.

— Убей меня, — я устраиваюсь на кровати так, как будто собираюсь спать, но на самом деле мне хочется умереть. Пусть мир остается, пусть остается Горц, пусть они все остаются, только я тут больше быть не хочу.

— Молчи уже, — огрызается Олька.

Укол не чувствуется, я просто закрываю глаза. Мне хочется

провалиться в темноту, которая немедленно предстает перед глазами, хочется пропасть в ней, раствориться и больше не существовать. Почти получается, но я слышу, как уходит Олька, слышу, как дверь закрывается, как ее шаги отдаляются, представляю, как она идет по коридору. Почему-то мне становится интересно, что она чувствует, о чём думает, зачем ей понадобилась молодость, как Горц удалось убедить в своей правоте не только Ольку, но и Коляна. До меня вдруг доходит, что во всей этой путанице не хватает Акулы. Мне хочется кого-нибудь спросить о ней, но темнота будто бы поглощает меня, и все мысли, все вопросы — разлетаются в разные стороны, как напуганные голуби, которые только-только нашли своё место, но их вдруг что-то испугало. Некоторые пытаются вернуться обратно, но тут же отлетают, так продолжается некоторое время, пока не отлетает последний голубь, который спрашивает о Сеньке.

В темноте появляется мужская фигура и идёт на меня. Хочется думать, что это Димка, а потому я будто бы срываюсь с места и мчусь ему навстречу, но... Передо мной возникает мой сосед-очкарик.

— А я ведь предупреждал! — начинает кричать он и лицо его становится до того безобразным, что хочется, чтобы он немедленно стал стариком — вредным и ворчливым, но он остается, как есть и продолжает: — Я ведь писал! Вам писал! — он тычет мне в грудь указательным пальцем и всматривается в лицо.

— Что? — спрашиваю, пытаясь понять, о чем он говорит.

— Про змею, например! Про птиц! А вы?! Эх, вы! — вспышка гнева возникает на его лице и гаснет, меняясь на маску сожаления. Хотя, маской это трудно назвать, сожаление вполне настоящее.

— А что дальше? Кирпич упадет? — зачем-то спрашиваю,

вспоминая его последнее предупреждение и нашу первую встречу.

Он махнул на меня рукой, разворачивается и идёт обратно. Снова наступает темнота.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Как все! Как же просто! — можно было бы предположить, что я смотрюсь в зеркало, но мой сон продолжался — он был тьмой, которая навалилась на меня, а потом что-то щелкнуло, и я увидела себя: в обычной одежде, поверх которой был накинут мой халат санитарки; я видела себя без синяков и ссадин, как будто бы ничего не было, а слова, которые я из сна произнесла себе, будто бы остановили какую-то огромную шестеренку — и тьма исчезла, и стояла только я напротив той, что не пострадала и говорила «всё просто!».

В этот момент я открыла глаза, набрав воздуха, как если бы меня окатили ледяной водой. Впрочем, это было отчасти именно так — ледяной пот существует, и он катился у меня со лба, к спине прилипла моя рубашка, но стоило мне приподняться, как под ней скользнул неприятный холодок, и я снова откинулась на подушку, закрывая глаза. Вот только глаза не закрывались, наверное, потому что смотреть больше было нечего, а действия той дряни, которую мне вколола Олька, — закончилось.

— Как все... Как просто... — говорила я потолку, который смотрел на меня двумя огромными трещинами и чудом не осыпавшейся штукатуркой.

Да, всё было действительно просто, но было это тогда, когда мы с Димкой еще не собирались отправиться в литературную студию. Мне просто хотелось стать своей среди шизофреничной Горц и не менее шизофреничной Акулы, а что теперь значило это «как все», которое прилетело ко мне из сна, — я не знала. Почти не знала. Мне тут же вспомнилось, сколько психов я убила забавы ради — Сенька был далеко не первой жертвой моих изде-

вательств, некоторые наедались стекла, кто-то начинал жрать себя — откусывать пальцы, например; а как-то раз, я довела две палаты до драки. Это была почти стенка на стенку, ночью, в дежурство Ольки. Многие тогда поубивали друг друга, врачи и санитары отделались укусами и незначительными синяками, а всё потому, что в нашей психушке царил вечный бардак. Психам ничего не стоило оставить у себя ложку, а потом заточить ее, или раздобыть гвоздь на сотню, которым вполне можно вскрыть вены. Они жили в психушке, психушка становилась их миром, в котором они старались выжить. Только выжить становилось всё труднее и труднее. Вася умер только из-за моей самообороны, которая теперь развеяна прахом. Зато тут же вспоминался почтальон, которого мы с Димкой довели до нервного срыва. Если бы я не попала в эту обитель сумасшедших литераторов, то мои издевательства над почтальоном продолжились бы, вот только... Литераторы решили иначе. Теперь не я издеваюсь над психами, а они надо мной.

— Как все, как просто, — мой голос почти пропал, но я старалась говорить, восстановить его, попутно прикидывая — справлюсь ли одна с такой бандой маразматиков, когда даже мои коллеги против меня, и стоит ли пытаться или... — Как все... Как просто! — это не самая лучшая улыбка, которая когда-либо появлялась у меня на лице, но, пожалуй, самая лучшая мысль, которая возникала в моей голове.

Димке уже не помочь, а мне нужно было выжить. Выжить и выбраться, а что будет дальше — меня не интересовало, мне снова захотелось жить, а как гласит бородатая медицинская шутка: врачи бессильны перед пациентом, который хочет жить. Итак, я стала пациентом. Всё поменялось. Мои врачи — Горц, мерзкая Даша, «потрясающая женщина», мои коллеги и изверг Саша.

Когда я уже пришла к окончательному решению, снова стемнело, в комнате стало темно так же, как при нашем разговоре

с Олькой. Голова была светлой, только тело напоминало о том, что меня били, что меня чем-то кололи. Мне хотелось дотронуться до своего лица, но пальцы будто окаменели, а руки превратились во что-то неуправляемое, если это принято называть плетьми, то сравнение — дурацкое, больше всего это походило на дохлых, холодных змей. Так вот, одна из змей самовольно засветила мне в глаз, и тут я взвыла от боли, забывая обо всем, что решила и что придумала. Глаз загорел огнем, переносицу заломило. Мне хотелось скрутиться в позу эмбриона, но тут меня ждал очередной сюрприз — тело тоже перестало мне подчиняться, а потому, отворачиваясь к стенке, я едва не повторила подвиг Сени, точнее сказать, почти повторила, но голова моя осталась целой, а лучше б разлетелась...

— А-а-а, — довольный и протяжный прозвенел надо мной голос Горц. — Проснулась! — она уперлась мне в плечи, предварительно перевернув меня на спину. Мне не было видно её — только темная фигура, которая нависала надо мной, голос и частое дыхание, дающее о себе знать ужасным запахом гнилых зубов.

— Я хочу жить, — с трудом мне удалось выдавить из себя, а переведя дыхание, добавить: — Что мне нужно делать?

Руки Горц исчезли, она отстранилась. Видимо, это был удивлённый взгляд, но мне сквозь темноту не было этого видно. После недолгого молчания Горц наконец-то сказала, чтобы я не дергалась, и вышла из комнаты. И я не дёргалась. Белая полоска света резанула по глазам, когда она открыла дверь, вышла и снова захлопнула ее за собой.

Мне представлялось, что у Горц есть на меня досье, где расписан весь мой характер, все мои поступки, и после того, как она услышала от меня слова «я хочу жить!» — она побежала пролистывать это досье и выяснять, что бы это значило. Ничего это

не значило. Не было у Горц никакого досье, у нее были только Саша и Колян, которые появились в дверях. В этот момент мне хотелось сесть на кровати, подобрать под себя ноги и начать раскачиваться, потому что при появлении двух мужиков в одной комнате воображение вдруг с чего-то начало вырисовать картинку изнасилования. К счастью, мои мучители представлений моего воображения не оправдали, хотя, когда схватили за волосы и подняли с кровати, сердце ёкнуло.

Идти у меня не получалось, им пришлось меня вести, а когда свет ударил по глазам, я и вовсе готова была свалиться и едва не поджала под себя ноги.

Как мы дошли — я не помню, ясность в голове пропала, там появилось гудение, которое заполнило собой всё и, казалось, вытекало через уши. В чувство меня привел только запах гари и уже привычная для глаз темнота. Только эту темноту своим светом разрушали свечи, а потому я снова увидела то, из-за чего захотела оказаться на месте Димки. Нет, умереть я уже не мечтала, я хотела, чтобы мне вырвали глаза.

До этого, я считала своих мучителей сатанистами, которые сошли с ума, но на этот раз, мне было проще думать, что это я начала сходить с ума.

Горц была похожа на ведьму с картинок: разлохмаченные волосы превратились в седое облако, зеленые глаза почти светились. Ей не хватало только крючковатого носа и, например, клыков. Само собой, ничего такого не было, я с трудом узнавала в ней ту старую шизофреничку, которая падала мне в ноги и кричала о десяти годах работы. Я смотрела на неё и не могла отвести взгляд, а она зажигала свечи, которые вокруг тела Германа Робертовича расставляла «потрясающая женщина», уже неживого тела. Он лежал в центре комнаты на двух столах, которые сдвинули и превратили в один. Мне было интересно, я даже вытянула шею, ожидая увидеть пентаграмму, но ее не было. Тело

бывшего главного редактора было изрезано какими-то символами, и я вспомнила о мерзкой Даше; это и заставило меня посмотреть по сторонам.

Парни держали меня под руки. Слева, рядом с Коляном, стояли Даша и Оля, справа — фигуры в балахонах. Глядя на них мне стало по-настоящему страшно.

— Всё готово! — отходя от стола, заявила Горц, не переводя на нас своего взгляда, очень страшного взгляда. Она была похожа на хищника, который вот-вот набросится на свою добычу и раздерет в клочья.

Меня толкнули вперед и повели к столу, Даша и Оля прошли следом за нами, а за ними — фигуры в балахонах, чьи лица мне не хотелось бы рассматривать.

Глаз у Германа не оказалось, как и у Димки, кровь с его тела подтерли так, что остались только вырезанные символы. Преобладали в основном волнистые линии, никаких конкретных предметов изображено не было. Единственным знакомым мне символом оказался знак Водолея — две волнистые полоски, которые расчерчивали грудь.

Взглядом я встретилась с Альбиной Николаевной. Странно, но в ней я видела себя, почти как в зеркале, но только это была не внешность, а что-то внутреннее. По ее лицу скользнула ухмылка, могло бы показаться, что нашему зрительному контакту она не придала никакого значения, но это не так. Она демонстративно откуда-то из-под стола достала тесак, и через мгновение, этим тесаком начала крошить пальцы Германа Робертовича.

Да. Мы с ней похожи. Лицо «потрясающей женщины» не выдавало никаких эмоций, никаких эмоций не выдавало никогда и мое лицо, когда я разделывалась со своими психами.

Она спокойно сказала Верстову о смерти неизвестного мне Совкова, сказала так, как я говорила Инге о смерти Сеньки или деда Васи.

Пока я сравнивала себя с этой теткой, к Горц подошла Олька. А похожи ли они? Трудно сравнивать. Горц я знаю меньше, чем Альбину Николаевну. Гораздо меньше, несмотря на то, что знакома с ней больше. Нет, она больше похожа с Дашей, которая проследовала за Олькой.

Что они задумали, к чему вел этот сектантский обряд — мне было непонятно. Олька и Даша стояли рядом с Горц, Альбина Николаевна крошила своего бывшего главного редактора, Саша и Колян куда-то вышли, а за моей спиной столпились пятеро в балахонах. Горц смотрела на то, как руки Германа превращаются в фарш, с самодовольной улыбкой, весь ее вид будто бы говорил истерзанному телу, что-то вроде: «Допрыгался!»

Внутри меня почему-то все вымерло, я смотрела на происходящее так, будто бы меня это нисколько не касается. Так я смотрела только идиотские фильмы, чтобы не уснуть или наоборот — чтобы провалиться в сон. В тот момент спать не хотелось. Всё это время я пыталась сообразить, что к чему, чем всё это закончится и что нужно сделать, чтобы выбраться отсюда живой. Мысли крутились в голове, но я никак не могла зацепиться за какую-то одну. Мне было трудно смотреть на происходящее и думать.

Впрочем, долго думать мне не пришлось — из коридора донесся крик — истошный, отчаянный, зовущий на помощь. Узнав зовущую, я едва не метнулась к выходу, чтобы спасти и помочь, но стоило мне обернуться, за волосы меня схватила Даша, и через мгновение я лицом лежала на изувеченном теле Германа Робертовича, а к шее мне подставили тот самый тесак, которым Альбина Николаевна кромсала его руки.

— Не дёргайся, — голос Даши был таким мерзким, что мне захотелось ее ударить, но мне никак нельзя было вырваться — щекой я крепко была прижата к трупу, так круто, что я готова была распрощаться с челюстью.

Мои самые страшные ожидания были оправданы — парни привели Акулу. В этот момент я поняла всё. Никто из нас не похож на Горц, это в ней от каждого из нас по гадости. Для достижения цели мне ничего не стоило бы убить, чтобы избавиться от лишних людей — Даша бы зачистила всех, Оля расправилась бы в первую очередь именно с теми, кого ненавидит. Горц все сделала: ненавистного редактора, который хотел ее убить, больше не было, Акула, как лишняя, должна погибнуть, Димка — просто убит, элементарная зачистка. А как же обещанная молодость? Тут было что-то не так, но я не понимала что именно, я всё ещё верила, что это какой-то обряд полудурков.

Акулу ударили, она упала на пол, и перед ней возникла Горц.

— Самое страшное для человека — это не лишиться слуха, и даже не лишиться ноги или руки, — Горц почему-то обернулась к нам. Даша меня выпустила, и теперь мне было позволено обернуться и смотреть. Только смотреть — я все еще была в окружении непонятных людей в балахонах, Даши и «потрясающей» Альбины. — Самое страшное, — продолжала Горц, вытаскивая из рукава складной ножик, — это лишиться глаз. Руку можно заменить протезом, слух и вовсе не так важен — меньше шума, но без зрения ты — никто, ты ничтожен и беспомощен, — на этих словах она замолчала.

Колян, не выходя из роли санитара, скрутил Акулу так, что ей было не пошевелиться. Саша держал ее за голову. Мне никогда не было противно смотреть на кровь: я же медик, но в тот момент, когда Горц уверенным и хладнокровным движением воткнула в глаз Акулины нож, я резко отвернулась и зажала рот

руками, чтобы не закричать. Мне почему-то стало жаль Акулу — жертву обстоятельств. Мне нужно было понять, что они — далеко не подруги, что Горц держит ее около себя для каких-то особенных целей, а, может, она ее и не держала, может, Акула сама к ней прицепилась, а та не знала, как избавиться от надоедливой подруги.

Не знаю, что со мной произошло в этот момент. Горц просто разозлила меня этим поступком. Я готова была простить ей смерть Димки, готова была простить ей всё происходящее, кроме Акулы, которую бросили дети, которая просто рисовала и оказалась в дурке.

— Твари-и-и! — я закричала так громко, что это придало мне сил, это почти вернуло меня к жизни, вернуло мне надежду на то, что я смогу выбраться, спастись.

В голове мелькали моменты, как легко я расправлялась то с теми, то с другими. Мне удалось опрокинуть стол, где лежал Герман, мне удалось схватить несколько свечей и кинуть их, сорвать несколько скатерок, которые тоже опрокинули свечи на пол. Меня пытались схватить, но мне хватало сил отбиться, отпихнуть, прорваться вперед. Подбегая к двери, я уже ни о чем не думала, я просто была рада тому, что там, за спиной, все загорелось, а мне удается убежать. Вся боль, все раны — будто бы исчезли, будто бы их не было, я снова была живой.

— Стой, сука! — Колян схватил меня за руку и отшвырнул обратно, к горящей занавеске, мне чудом удалось отстраниться от огня, но пламя меня все же обдало жаром. Попытки подняться тут же пресеклись ударами — по голове, в живот, по спине. Как бы я ни старалась свернуться, уберечь себя от пинков — ничего не помогало. Нос сломали в первую очередь, на руки наступали.

Перед тем как в очередной раз закрыть глаза, под всеобщие крики, я видела, как горит Даша, я слышала, ее крик, я видела, как все смотрели на это и никто не собирался ей помочь. Горело всё, горели все, только Горц, окруженная пятью людьми в черных балахонах, оставалась стоять в центре комнаты. Мне показалось, что ее огонь нисколько не трогал, но в тоже время все шесть фигур искажались в пламени.

Удары прекратились, когда я услышала выкрик Коляна — он громко выругался и, кажется, упал рядом со мной.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Времени хорошо подумать и принять решение — у меня не оставалось. Называть Горц своей мучительницей — не было оснований, но теперь я очень хорошо понимала покойного Германа. Убить. Убить. Убить. Горц нужно было убить.

Когда я очнулась, всё снова показалось простым и нисколько не сложным, но это длилось несколько мгновений, пока я окончательно не пришла в себя и не осмотрелась по сторонам.

В тот день я узнала, что стала пациенткой обычной больницы — меня вытащили из горящего здания, каким-то непонятным для врачей чудом, на мне не оказалось никаких ожогов, только синяки и ссадины, хотя я думала, что у меня точно будет несколько переломов, но и их не оказалось. Однако говорить я не могла по неизвестным мне причинам. Всякий раз, когда мне хотелось что-то сказать — в горле вставал ком, голоса и вовсе не было. Себе, санитарам, медсестрам, главврачу я напоминала рыбу — рот открывался, а звуков не было. Мне бы нужно было паниковать по этому поводу, радоваться тому, что всё закончилось и я жива, рассчитывать, в конце концов, на то, что голос рано или поздно вернётся, что врачи мне помогут, но... Во-первых, я слишком хорошо знала, что врачи мне ничем не помогут, что сегодня-завтра заинтересуются тем, что произошло в литературной студии, а, во-вторых, мне не верилось, что эта история закончилась.

Меня не интересовало ничего кроме Горц — жива она или нет, что стало с моими бывшими коллегами — удалось ли их спасти. Больничную еду я отдала соседке по палате — какая-то странная девушка: худая, лет тридцати, весь день разгадываю-

щая сканворды. Время от времени она обращалась к нам, соседям по палате, что-то спрашивала, но, даже зная ответ, я ничем не могла ей помочь, да мне и не хотелось. Из всех моих «сокамерников» она больше остальных привлекала к себе внимание. Трое остальных — бабулька с инфарктом, женщина с переломом ноги, ярко-рыжая девица с язвой. В принципе, всё это нисколько не отличалось от моей психушки — больничная атмосфера объединяет пациентов против врачей и врачей против пациентов. Это в фильмах доблестный врач борется за жизнь пациента до конца, в жизни это может быть только какой-нибудь энтузиаст, а в остальном — врач ненавидит свою работу, как и миллионы пациентов, которые вчера были учителями, менеджерами, дворниками, а пациенты... Кто-то верит, кто-то не верит.

Отвернувшись от всех к стенке, я думала об этом, пока не стемнело. Не реагировала на капельницы и уколы — не реагировала ни на что. Санитарка несколько раз спросила, нужна ли мне «утка», так как в туалет я не выходила. Мне такое внимание показалось немного странным, а ей странным показалось мое поведение, и когда она зашла в палату в последний раз, пригрозила мне, что оторвет мою голову, если простыни подо мной окажутся грязными. Видимо, мое выражение лица, которое явно ничего не выражало, ни единой мысли — ей не понравилось, она нависла надо мной и спросила, поняла ли я ее. Забавно, но только в тот момент мне пришло на ум, что всё поменялось. В девушке со спрятанными черными волосами под платок я видела и себя, и Ольку одновременно. Да, мне когда-то хотелось примерять на себя роль пациента, но вот я лежала, смотрела в глаза санитарки, которая готова была меня убить, и понимала, что санитаркой — здоровой, говорящей, угрожающей пациентам, ненавидящей пациентов, ненавидящей работу — быть намного лучше, чем больной.

Не добившись от меня никакого ответа, она ушла, хлопнув дверью.

Соседки по палате назвали ее ненормальной и пожалели меня, сказали, что даже несмотря на то, что ко мне никто не приходит и личность мою установить не могут — это не повод так обходиться со мной. Девушка с язвой предложила мне яблоко, проявляя доброту и заботу, показывая всем соседкам, что уж она-то точно не такая тварь, как та санитарка, которая только что вышла, хлопнув дверью. Следом за язвенницей потянулись и остальные — сок, печенья, апельсины — мне пытались предложить всё это, скормить, а мне... Мне хотелось захохотать. Какими же смешными они были! Они смотрели на меня и пытались изобразить на лице сочувствие, пытались мне доказать этими подачками, что не все люди твари и что твари, в сущности, только санитарки. Получалось только улыбаться, я даже чувствовала, как мои глаза за весь день стали наконец-то что-то выражать, мне казалось, что они горели как у Горц. Соседки продолжали предлагать, мне казалось, что они трезвонят все и сразу, даже та, что лежала с переломом. Все трезвонят над головой, и уже трудно разобрать слова «берите, пожалуйста», «мне не жалко», «угощайтесь». В какой-то момент их лица показались мне не такими дружелюбными, как это было вначале. Вместо просьб послышались требования: «бери!», «пей!», «ешь!». Мне стало трудно дышать, мне хотелось избавиться от надоедливого галдежа над головой. К этому моменту я уже села на кровати и пыталась вглядеться в их лица. Казалось, что они все резко постарели, пожелтели и сморщились, что носы их обвисли и скрючились, что руки стали костяными, со страшными ногтями, что от них от всех, как от одной, пахнет болотной сыростью.

— Пошли к черту-у-у! — от своего крика я и сама готова была оглохнуть, я вздрогнула, потому что не ожидала, что закричу, но в эту же секунду мне удалось ударить кого-то по рукам, отправить на пол половину подачек, оттолкнуть от себя девку, которая все это время разгадывала сканворды.

Только после крика свет, который и не гас, будто бы вновь зажегся и лица моих соседей стали прежними, как были, но уже выражали ужас и непонимание.

— Ненормальная, — этого шепота мне хватило, он будто бы вернул меня к жизни.

Прошептала это в мой адрес бабулька с инфарктом. Из-за моего крика она упала на пол, может быть, я именно ее ударила по руке, откидывая подачки — не знаю. Остальные помогали ей подняться на ноги и не заметили, как со своей кровати соскочила я и оказалась рядом с ними. Все замерли. Наверное, вид мой был ужасающим. Нет, мне не хотелось никого убивать, просто они мне не нравились. Всё это время я убивала психов только потому, что им незачем было жить, только потому, что их не особо-то было жалко, а в тот момент передо мной стояли немного другие люди. Тем не менее, бабке все равно оставалось не так много жить.

Растолкав остальных, схватив с тумбочки одной из них нож (нож! Такого никогда не добыть в психушке так просто — вот в чем прелесть обычных больниц, для здоровых людей), я схватила старуху и перерезала ей горло. Кто-то из остальных метнулся в коридор с криками о помощи. Старуху пришлось бросить и помчаться за предательницей.

Когда я выбежала в коридор, было уже поздно гнаться за ней, это, кстати, оказалась язвенница. Она вела за собой санитарку, уже другую, не ту, что угрожала мне. Увидев меня, санитарка кинулась к постовой сестре. Всё это было так рядом, мне даже показалось странным, что язвенница побежала в первую очередь *за санитаркой, а не к посту*. Только думать мне об этом было некогда. Ножик я не выпускала из руки, но вместо того, чтобы уж наверняка расчистить себе путь, убив еще троих, я побежала от них в противоположную сторону по коридору.

Сомнений не было никаких — это была городская больница в три этажа. Конечно, я была не на первом этаже, но и точно не на третьем: там отделение гинекологии. Выпрыгивать из окна даже со второго этажа, даже зимой — мне не улыбалось. Выжить после Горц, остаться невредимой после всего этого, с синяками и ссадинами, без переломов — и умереть, выбросившись из окна больницы, глупо. Мне нужно было сбежать, и я бежала. Бежала, пока передо мной не возник лифт. Я не замечала ничего, я ничего не слышала, кроме стука собственного сердца. Около лифта я поколебалась несколько мгновений и, сообразив, что, стоит мне туда зайти — я буду поймана, ринулась к лестнице.

Хватаясь за перила, я пыталась не упасть, ноги почему-то переставали слушаться, я начинала задыхаться, но сдаваться не собиралась. На последних ступеньках я едва не упала, запнувшись о собственную ногу, но, выстояв, побежала дальше, вдоль еще одного узкого коридора, он вел к выходу.

Глупо было думать, что о моем побеге не сообщили остальным. На первом этаже меня с распростертыми руками ждал уже какой-то мужик. Эта вечная идиотская бабская надежда на мужика, который, конечно же, со всем должен справиться, всё уладить, всех успокоить, всё остановить — подвела их всех. Прошло время рыцарей, давно пора понять. Когда я набросилась на него с криками, он был напуган не меньше, чем они все, чем те мои соседки по палате. Я смотрела в его глаза, видела, как они тухнут, как в них исчезает жизнь — у психов такого не было, они просто умирали и все, они давно были мертвы. Я била по нему ножом куда попало, повалив на пол, и казалось, что бью вовсе не по человеку. Это как бить хорошо накаченное колесо, здоровое колесо маленькой отверткой и пытаться проколоть. Мне не хватало сил вогнать нож ему в голову, например, с трудом удавалось пробить его грудную клетку, но очень быстро получилось полоснуть по горлу.

Никто меня не останавливал, видимо, мужиков на дежурстве больше не оказалось, я убила их единственного самца. Конечно, я слышала крики, когда остановилась, когда поняла, что мой враг мёртв. Враг. По-другому нельзя было его назвать. Осмотрелась, мне стало ясно, что они скоро придут в себя, что вызовут ментов, а мой путь свободен. Одна из тех, что стояла за моей спиной, отшатнулась в сторону и прижалась к стене, как только я взглянула на нее.

Чёрт, я же могла просто лежать в палате, издеваться над санитарками, но мне так этого не хотелось. Мне не хотелось спокойствия и в то же время на все это меня толкнули мои соседки по палате, которые просто хотели меня накормить, но их наигранная доброта... Сколько же противоречий! Но мне некогда было думать над всем этим, я побежала к выходу.

Улица встретила меня холодом и метелью. Такой метелью, которая била по всему телу колючим снегом. Ноги заледенели мгновенно, их начало сводить. Мне нужно было выбраться из двора больницы и дойти до дороги, миновав проходную. Ожидая, что на проходной меня тоже ждут, я собрала все силы и двинулась вперед, рассчитывая еще на одно убийство. К счастью для постового, его еще не разбудили, он спал и не помешал мне выйти из двора.

Ноги подводили, я готова была упасть, но, пытаясь подбодрить себя тем, что мной уже столько пережито и сдаваться сейчас никак нельзя, я встала на обочину дороги и начала голосовать. Никто не останавливался. Все проезжали мимо. Мой вид: девушка в крови, в одной сорочке, босиком, около больницы — вряд ли привлек бы даже самого жадного таксиста, но нашелся обычный водитель, видимо, очень невнимательный водитель. Мне никогда не удавалось разобраться во всех марках машин, но машина была отечественная. Плюхнувшись на заднее сиденье, я тут же

приставила нож к горлу водителя и назвала свой адрес.

— Телефон дай мне, — голос снова стал меня покидать, я эту фразу просипела.

— Только не убивайте... У меня дети... — а голос мужика, который решил меня подвести, оказался каким-то женским, я даже посветила дисплеем его же телефона, чтобы убедиться, что еду с мужиком.

— Езжай, — мне не хотелось его обнадёживать, обещать, что не убью, да и трудно было говорить с пропадающим голосом.

Мы ехали. Он молчал. Я пыталась дозвониться до любимой психарни, но трубку никто не брал. Пока мне отвечали гудки, я представляла, как в психушке ищут Горц и Акулину, прекрасно понимая, что их никто и никогда не хватится: в нашей психушке никогда не было порядка. Потом я представляла, как ищут Ольку, Коляна и меня, но тоже понимала, что нас вряд ли кто-то будет искать, что нам поставили прогулы. Попутно я вспомнила Димку, но представить, как ищут его, мне не удалось — гудки в трубке пропали.

— Слушаю, — я вздрогнула, когда услышала этот голос, мне показалось, что мне ответила Горц.

— Извините, с кем я говорю? — но верить в то, что это была Горц, мне не хотелось.

— Псих интернат, — ответил сонный голос.

— А можно санитарку Софью Николаевну услышать? — убедившись в том, что это не Горц, продолжила я.

— У нас такая не работает, — монотонно ответил голос.

— Вы уверены? — надеясь, что отвечающая еще не проснулась, как следует, я не отступала.

— Девушка, никогда и никакой Софьи Николаевны, санитарки, у нас не работало! — раздраженно ответили мне и бросили трубку.

— Тварь! — я откинула телефон на сиденье рядом с собой, но он отскочил и упал на пол.

— Сюда? — спросил водитель. Я огляделась — мы заезжали в мой двор. Окна уже ни у кого не горели, дом спал.

— Да, остановись под тем окном и погаси фары, — я указала на свои окна, вспоминая, что надо мной живет ненормальный сосед.

Водитель сделал всё как я сказала. Мне следовало бы его отпустить, но страх быть пойманной, страх, что он обязательно донесет на меня — взял верх.

— Всё? — спросил он.

— Всё, — ответила я, прижимая лезвие ножа к его горлу сильнее. Он начал сопротивляться, а этого я не ожидала. Мне представлялось, что с ним я закончу все очень быстро. Однако машина просигналила, мужик пытался повернуться ко мне, а сил противостоять ему — у меня почти не оставалось. Я хотела сдаться, сдохнуть хотя бы в своем дворе, но водитель оказался виноват сам — вывернув мне руку, он неудачно повернулся и напоролся на нож. Что ж, это получилось не так эффектно, как я себе представляла, но получилось.

Машина снова начала сигналить, свет над моими окнами

зажегся. Открыв дверь, из машины я почти выпала, устав от борьбы, понимая, что дома и что можно расслабиться.

— Что случилось? Боже мой! Что он с тобой сделал?! — мой сосед-очкарик оказался около меня в считанные секунды. Он помог мне встать и повел к подъезду.

Не знаю почему, но я заревела навзрыд, заревела во все горло, остановившись и уткнувшись в костлявое плечо очкарика, который пытался увести меня домой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Если жизнь записывается на плёнку, то сейчас кое-что отмотали назад. Сидя в ванне, отмокая от всего, что со мной произошло, я представляю, нет — мне хочется верить, что ничего не было: что я сижу в ванне, что у меня похмелье, что меня воротит из-за траха с Димкой, что я сегодня не пойду на работу и позвоню Ольке, чтобы сказать ей об этом, но... «Но» и многоточие, которое подчеркивает весь трагизм моего бытия, которое поставили бы, если бы это была не пленка, а книга. Ну да, если бы Горц написала обо мне книгу или какой-нибудь Вёрстов, да хоть мерзкая Даша! «Но» — и всё, и это «но» перечеркивает все мои представления, всё спокойствие на душе и возвращает память: перематывает плёнку, перелистывает страницы.

В самом деле, может быть, не было никакой Горц? Может быть, я сейчас выйду из ванной, и Димка окажется на месте? Может, мы еще не ездили в дом литераторов? Может быть, я просто с похмела задремала, а всё это — мне приснилось? Хотя... Горц была реальна, она появилась в моей жизни до того, как всё это... приснилось или случилось. У нее сгорела книга, сгорело издательство, где была эта книга, после чего Горц оказалась в психушке. Да, глядя на всех тех писателей, которые мне встретились, я бы отправила их всех в психарню, в палату к Горц. Там бы они устроили разборки, там бы они друг друга и поубивали. Вот только... Нет, конечно, всё это — мне не могло присниться. Всё это было, всё это — перевернуло мою жизнь с ног на голову.

Пока я пытаюсь прийти в себя, в комнате сидит сосед очкарик. Он подумал, что меня изнасиловали в машине, хотел вызвать ментов, но я сказала, что это будет лишним. Он ждёт меня, потому что это — ещё не конец. Выжить после всего, поуби-

вать всяких придурков в городской больнице и сдаться? Нет. Мне слишком дорога моя жизнь.

— Софья, ты скоро? С тобой всё в порядке? — сосед, который сейчас за дверью, подвернулся мне так вовремя. По странному стечению обстоятельств, его зовут Димкой.

— Да, — выходя из своих мыслей, отвечаю ему, чтобы свалил к черту. — Сейчас выйду.

Времени рассуждать не так много, времени, чтобы всё узнать и понять — ещё меньше. Меня, конечно же, уже ищут и хотят найти, а мне нужно узнать — умерла ли Горц, что случилось в доме литераторов. Пока я задаюсь этими вопросами, выхожу из ванной. Всё снова по-домашнему, я же в своем доме, в своей крепости. Халат, тапочки, отощавший Фимка, который чудом выжил, крутится у ног, как обычно, как было раньше, до появления Горц в моей жизни.

«Она писала что-то про Атлантиду», — вспоминаются слова Димки, и я думаю, что те, четверо в балахонах, были теми, кто ей что-то диктовал. Странно, до этого я думала, что это — ее галлюцинации, а не реальные люди. Или я уже тоже сошла с ума, как она?

— Я сейчас, мне нужно развешать объявления, — сосед очкарик, пытается прошмыгнуть мимо меня, держа в руках несколько листков, но я преграждаю ему дорогу, мгновенно вспомнив о том, что он и его объявления мне приснились, пока Горц меня держала в доме литераторов.

— А ну-ка стой! — пропускать я его не собираюсь и выхватываю листы из рук. — Что там у тебя? — но лучше бы я этого не видела. Он опять написал какой-то бред:

«Уважаемые жильцы! В целях вашей безопасности, не выносите этим утром мусор из квартиры, пока мусор из контейнеров не вывезут!».

— Отдай! — он возмущен, он выдергивает лист и, отстраняя меня в сторону, собирается выйти.

— Что означает это объявление? — снова вспоминаю этого ненормального из своего сна, я надеюсь, что на этот раз все его знаки будут преподнесены мне на блюдечке с золотой каемочкой.

Он оборачивается и удивлённо смотрит на меня, как будто я спросила что-то глупое. Чёрт! В самом деле — глупое. Сны уже закончились. Всё закончилось. Я в реальности.

— Ты сказала, что тебе нужно куда-то поехать, — поправляя очки, начинает он. — Я, конечно, могу сбросить кирпич на ту машину, как и обещал, ведь она припаркована под окном, но тогда нам не на чем будет ехать, — договорив, он уверенно открывает дверь и выходит.

Мне хватает нескольких секунд, чтобы понять, как связаны мусор и машина. Он собирается поехать на машине, в которой мертвый мужик. Да, мужика он собирается скинуть в мусорный контейнер. Этот парень — псих!

— Ты, что? Ты сдурел? — я вылетаю в подъезд следом за ним и шиплю это, но ему пофигу, он клеит объявление.

— Только не забирай меня с собой, я знаю, где ты работаешь, — отвлекаясь от своего занятия, отвечает он. — В конце концов, этому маньяку машина уже не нужна, — доклеив объявление, он возвращается к двери моей квартиры и захлопывает ее. — Идём, — он тянет меня за рукав моего халата.

— Никуда я с тобой не пойду!

«Хватит с меня психов!», — этого я не говорю, потому что не успеваю, очкарик тянет меня за собой вниз по лестнице.

— Не ори, сейчас всех разбудишь, и проблем будет еще больше! — он, конечно, прав, но его идея... А что бы я сделала, если бы не его идея? Да, глупо сопротивляться, он всё правильно придумал.

Мы вылетаем на улицу. Вылетаем, потому что в тапочках скользко, и я каким-то образом, оказалась впереди Димы.

— Я в тапках! Мне нужно переобуться! — мне нужно обратно, в квартиру, но он преграждает мне путь собой.

— Успеешь, — отвечает он, этот второй Димка. — Я убираю труп, ты моешь машину, — на его лице такая безмятежность, будто бы трупы из машин он убирает каждый день. И зачем я сказала ему, что мне нужно кое-куда съездить? Теперь еще и его ввязала в свою историю.

Метель продолжает бушевать, машину уже прилично засыпало, но мне так холодно, что я вообще стараюсь не думать о том, каким образом этот очкарик уберёт труп и как машина сдвинется с места.

— Мы ещё вернёмся домой? — я спрашиваю об этом, потому что мне очень хочется обуть... сапоги... Чертова Горц! Гори в аду, стерва! Сапог у меня теперь нет! Нет! Они либо сгорели, либо остались в городской больнице!

— Ничего себе, сколько крови, — очкарик присвистнул, он меня не услышал. Труп, который вывалился из машины, как толь-

ко очкарик открыл дверцу, вернул меня из моих мыслей и проклятий к Горц. — Кровищу снегом ототрёшь, всё равно заметет за ночь, — он быстро приходит в себя, этот второй Димка, он берет несчастного мёртвого водителя за руки и тащит по снегу от машины. Только сейчас я замечаю, что этот странный сосед: в футболке и трико, в тапочках, как и я — он совсем ненормальный!

Не знаю почему, но мне кажется, что он всё продумал правильно, а потому перечить ему незачем. Пока он оттаскивает трупак, мне ничего не остается, как делать то, что он сказал. Очищать приходится только водительское сидение, к счастью, на нём чехлы, которые вообще-то можно выкинуть. Руки коченеют, метель продолжает свирепствовать, но мне нельзя отвлекаться. Со мной снова Димка, который вызвался мне помочь, пусть не тот, которого я знала много лет, пусть это всего лишь сосед, но он тоже ввязался во всю эту историю. Ввязался, когда вышел и встретил меня, когда повёл меня ко мне в квартиру, когда решил, что всё произошедшее в машине — самооборона. Странно, конечно, что у него оказались ключи от моей квартиры, но об этом я спрошу позже, когда мы со всем этим разберёмся. Больше всего меня интересует, почему мне ответили в трубке, что я больше не работаю в психарне? Меня уволили? Впрочем, не важно, работать я там больше не собираюсь. Надеюсь, я успею забрать свою трудовую раньше, чем меня попытаются найти менты. Нужно валить из города, начинать всё заново, никаких больше психушек.

Нужно выкинуть чехлы, сиденье почти чистое, правда, мокрое. Ноги сводит, руки сводит, запястья неприятно болят, будто по ним провели лезвием ножа. Но всё это — пустяки, главное — выбраться из всей этой истории, выкинуть чехлы.

— Что ты делаешь?! — у меня не получилось закричать, но чехлы я выронила, как только увидела всю эту жесть: сосед

разделывает труп топором! Топором! Где этот псих взял топор?!

— Да не ори ты, — отмахивается он, едва обернувшись ко мне, и вернувшись к своему занятию. — Если сбросить его в контейнер целиком, то в кузов мусоровоза он громко свалится, а если раскидать его по разным контейнерам — вряд ли кто-то сунется проверять, что это за тухлое мясо такое.

Меня начинает тошнить. Смотреть на отрубленную голову, на разрубленные руки, ноги и туловище — невыносимо.

— Голова вызовет подозрения, — мне и самой страшно от своих слов, но я говорю это.

Впрочем, чего я так распереживалась? Мне пришлось стольких убить, чтобы попасть домой... А сейчас... Сейчас меня будто бы отпустило от всего этого, будто бы события, связанные с Горц, выпустили меня в мир, где убийство — это ненормально, где разделывание трупа — это нечто запредельное. Меня пробирает дрожь, я начинаю ощущать холод. Как он стал трупом? Верно, его убила я. Просто так, он оказался лишним, он мог помешать мне вернуться домой.

— Я не такой дебил, каким ты меня представляешь, — отзывается сосед, снова затягивая меня в серость, где убийство — норма, где разделывать трупы — обычное дело. Вспоминаются мерзкая Даша и Герман, которого она тоже почти разделывала. — Я пока всё это раскидаю по ящикам, а ты — разруби голову, чтобы она на голову не была похожа, — он говорит это на полном серьезе, нисколько не противясь тому, что творит. Может быть, для него это действительно — обычное дело?

Он подбирает кисти рук и отправляет их в один ящик, части ног в другой. Мне нужно разрубить голову. «К нам практиканты пришли сегодня, будут голову дяди Васи кромсать для них.

Хочешь посмотреть?» — звенят в голове слова Ольки. Лучше бы я осталась смотреть на голову дяди Васи, теперь, из-за этой оплошности, мне самой придется разрубать голову.

— Чем рубить? — знаю, что он даст мне топор, но я так надеюсь, что мне этого не придется делать. Проще было перерезать горло этому водителю, ещё проще было — убить мужика в городской больнице, совсем просто — доводить психов до самоубийства, но разделывать голову трупу... Вроде бы обычная процедура, которую для нас тоже когда-то проводили, когда я была практиканткой.

Очкарик молча подталкивает ногой топор в мою сторону и продолжает раскладывать останки. Вся его футболка, руки, штаны — в крови, он выглядит как натуральный мясник, который знает толк в своем деле.

Сжать топор в руке не получается — пальцы, кажется, окоченели окончательно, я их вообще не чувствую, но их ломит, они будто превратились в голые кости.

— Ну, ты и неженка! — видимо, наблюдать за тем, как у меня явно ничего не получится, очкарик не планирует. Он забирает топор, и через несколько мгновений голова мёртвого водителя оказывается расколотой на две части. Глаза, кровь и мозги — превращаются в кашу, хочется закрыть глаза, отвернуться, убежать, но он снова бьёт по тому, что осталось. Мерзость!

— Мерзость! — я не выношу этого зрелища и закрываю лицо руками.

— И как ты врачом-то стала! Не удивительно, что в дурдоме работаешь, — ему еще и смешно от всего этого, он готов залиться злорадным смехом. Мне даже ответить на это нечего.

Он — псих, однозначно, псих! А казался таким безобидным соседом, который от нечего делать ляпает глупые объявления в подъезде. Все маньяки — тихони. Готова поспорить, на меня тоже никто и никогда бы не подумал, что я доводила психов до самоуничтожения, и уж тем более с трудом будут верить, что я убивала кого-то в городской больнице.

— Тебе приходилось раньше убивать? –спрашиваю, руки от лица я убираю, от разделанной головы остались только красные капли и немного «каши», которые уже хорошо припорошило снегом.

Сосед наконец-то поворачивается ко мне. Он пристально смотрит на меня, я ощущаю этот взгляд, хоть тут и не так хорошо освещено, как хотелось бы.

— Нет, я никогда никого не убивал, — отвечает он и делает шаг ко мне, снова оборачивается к мусорным контейнерам. — Теперь домой, переодеваться, у нас есть машина, мы можем ехать, — он срывается с места, снова тащит меня за руку, тараторя всё это.

Кто он, чёрт возьми? Очередной псих? Зачем он мне нужен? Нужен. Машину водить я не умею, надеюсь, что он сможет. Нужен. Не могу я его убить. Кажется, он опаснее, чем я, чем Горц, чем все психи в моей психарне.

Едва не падая, скользя по снегу, не чувствуя собственного тела, которое уже свело от холода, я пытаюсь следовать за очкариком, не издавать лишних звуков. Хочется верить, что он поможет мне со всем разобраться. Дурацкая надежда, но, может, оно того стоит?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Странно. Меня будто бы никто не ищет. Скоро рассвет.

Очкарик зачем-то забаррикадировал дверь, будто шкаф остановит ментов и они не повяжут нас. Да, нас. Очкарику теперь не выкрутиться, наверняка труп водителя спишут на него, впрочем, я буду только рада этому. Сейчас он спит. Он так и сказал, когда мы вернулись: «Сейчас я закрою дверь, чтобы никто не будил. Мне нужно выспаться. Утром расскажешь, во что я ввязался из-за тебя», — вся его решительность, с которой он до этого разделывал труп, исчезла.

Похоже, он совсем не понимает, что он сделал. Кто он? Псих? Почему на свободе? Наверное, кто-то его опекает, потому и не сдали; пенсии за психов — не маленькие, а попечитель, которому нужны деньги, не будет тратить их на лекарства для психа. Комиссии хватит чека, который даст знакомая аптекарша или который достанет медсестра, — масса вариантов, а самый простой — сунуть денег, чтоб заткнулись; так с психа деньги будут иметь все, а психу будет достаточно купить ручку и бумагу, чтобы он смог писать глупые объявления и развешивать их в подъезде. Совсем как с писателями. Вряд ли Горц интересовало что-то кроме ее сгоревшей книги, в то время как Олька и Колян мечтали о вечной молодости, которую она им обещала. Вряд ли «потрясающую женщину» интересовало моё отношение к детям — ей просто нужно было продать свою книгу, чтобы потом издать новую и снова — продать. А мерзкий редактор Герман в это время имел с них хотя бы... да, плевать, что он там имел. Все директора что-то имеют. Даже наш, из психарни.

Странно, что не хочется спать после всего этого. Странно, что

меня никто не приходит арестовывать. Наверное, я выспалась на несколько лет вперёд, пока была в доме литераторов.

Закуриваю уже, наверное, десятую сигарету за эти пару часов. Ну да, десятую — полпачки как не бывало. Фимка, сожрав всю тухлятину из холодильника, свернулся в комок и спит; очкарик спит — всем хорошо, и мне тоже.

Смотреть в окно не тянет, я тупо лежу на диване овощем и пытаюсь сообразить, только что именно сообразить — не знаю. Мысли так спутались, будто голова стала шариком, который накачали гелием, и вот — там, в этом воздухе, плавают мысли, раздробленные, разделенные, пытаются соединиться, превратиться в одну большую стоящую мысль, которая хоть к чему-то приведет, цепляются друг за друга, но тут же разъединяются и разлетаются в разные стороны, в противоположные стороны.

Что я знаю об Атлантиде? Ничего. Почему она меня вдруг заинтересовала? Во всем виновата Горц. Виновата ли Горц?

Если бы я читала много книг или была бы литератором, то мне, конечно, было бы известно что-нибудь об Атлантиде.

Руководствуясь этими мыслями, я включаю ноутбук, открываю поисковик и забиваю: «Атлантида». Буквы — просто буквы, слова — просто слова. В такой тишине почему-то трудно сосредоточиться и прочитать хотя бы предложение. Что я знаю об Атлантиде? Она утонула — на этом все мои знания закончены. Читать не получается, я открываю вкладку с соцсетью.

Здесь мы с Димкой последний раз троллили Почтальона. Почтальон попал в психушку, а я так и не повидала его, не насладилась его шизофренией, не довела до самоубийства. Почему я не довела до самоубийства Горц? Зачем она убила Акулу?

В статус я зачем-то пишу: «Кто-нибудь знает что-нибудь об Атлантиде?» Снова закуриваю очередную сигарету. В комнате так дымно, что этот запах противен мне самой, но открывать окно — незачем, лучше не станет — будет холодно.

«Это мультик?» — пишет под моим статусом какая-то девчонка с ником Ксеня. Коротко отвечаю, что это — не мультик и ей с такими познаниями пора собираться в школу. Да уж, прелесть интернета в том, что даже самый тупой дегенерат, как я, может оскорбить другого, не факт, что дегенерата. Ксеня обижается и удаляет свой комментарий. Тянусь к мыши, чтобы удалить статус, но останавливают уведомление и новый комментарий: «Это мифический затонувший материк», — пишет мне какой-то Сергей, чей уровень знаний где-то рядом с моим. Отвечать не собираюсь, обновляю страницу, и снова появляется новый комментарий, но не для меня, а для Сергея: «Это был не материк, а острова!» — пишет некто неопределенный, без аватара, с ником, который не сразу удается прочитать правильно — Илоидо. Мне становится интересно, и я прошу подробностей. Илоидо не заставляет себя долго ждать и появляется в личных сообщениях.

«Привет! — пишет мне этот неизвестный. — Атлантида была задумана как божественный эксперимент, на самом деле это были острова, их было двенадцать. Последний остров ушел под воду по вине самих атлантов», — Илоидо решил, что мне этого будет достаточно, однако, я смотрю в монитор и ничего не понимаю. Версия с материком мне нравилась больше, это хотя бы рассказ про один материк, а не про двенадцать островов. Тем не менее, я решаю продолжить разговор и прошу рассказать, что такого сделали атланты, что их последний остров ушёл под воду? Ответа нет. Мне уже кажется, что этот чудак вышел из сети, я возвращаюсь на страницу со своим статусом и удаляю его.

— Что ты делаешь? — я вздрагиваю от внезапного сонного

бурчания очкарика, но быстро нахожусь и оборачиваюсь — он уставился на меня так, будто пытается вспомнить, какой сегодня год и как он тут оказался.

— Ты что-нибудь знаешь про Атлантиду? — мой вопрос заставляет его окончательно проснуться — он снимает очки, изображает задумчивость.

— Ну-у, — тянет он, готовя для меня свой ответ. — Много теорий существует, а я думаю, что её вообще никогда не было, — после этой фразы, этого ответа очкарик перестает для меня существовать, я возвращаю свое внимание к ноутбуку.

Новое сообщение от Илоидо: «Во всём виновата луна, посмотри и увидишь», — и это всё, и больше этого странного собеседника нет в сети.

Лучше бы я спала, никто мне ничего так и не рассказал об Атлантиде.

— Люди любят придумывать разные сказки, мол, был остров, где были полулюди-полубоги, которые всё могли, и всё у них было. Каждый, когда рассказывает об этом, на самом деле мечтает попасть на тот остров, чтобы ни в чем не нуждаться. Это как обещанный рай после смерти, только при жизни, — продолжает говорить очкарик.

Закуриваю очередную сигарету. Очкарик замолкает. Множество теорий: материк, остров, острова. Причём здесь луна? Опять мне попался какой-то сумасшедший. Хватит с меня этих загадок! Я — санитарка, а не детектив!

— Собирайся, мы едем ко мне на работу, — нет смысла больше рассуждать над чем бы то ни было, пока я не узнаю всё о Горц.

В ответ на мои слова — никаких действий. Очкарик продолжает сидеть в кресле, в котором до этого спал. Делаю шаг в его сторону. С ним явно что-то не то.

— Езжай одна, — отвечает он, уставившись в пол.

— Что значит — одна? Ты уже всё равно мой сообщник, ты труп в мусорные баки скинул, чего тебе терять? — может, мои слова неубедительны, но ведь всё это — правда.

— В психушку не поеду, — он бурчит как ребенок, которого вот-вот поставят в угол. Подавляю смех, чтобы не лишиться последнего союзника.

— Ты там бывал? — вот только голос меня выдает, и предательские нотки сарказма становятся неприятны даже мне самой.

— Нет, — отвечает он всё тем же тоном. Странно, я ждала положительного ответа.

— Тогда собирайся, я тебя туда на экскурсию веду, а не как пациента, — но честно признаться, в своих словах я не уверена — мало ли что ждёт нас там, в психушке.

Не дожидаясь его слов и действий в ответ, я ухожу в ванную.

Умываясь, собирая волосы, крася ресницы — я ловлю себя на мысли о том, будто всё это — обычный день и я как всегда собираюсь на работу. Мысли о том, что Горц не было, что я не бывала в доме литераторов — снова посещают меня. Смотрю на себя в зеркало и понимаю, что это — просто мысли, как сказал очкарик: сказка об Атлантиде, которую я сама себе пытаюсь придумать и внушить: ничего не было, всё хорошо, Горц — это пациент, дом литераторов — далеко от меня, мне, санитарке, туда

никогда не попасть.

Красить ресницы — как-то бессмысленно: под правым глазом синяк, лицо в ссадинах, а ещё мне выбили два зуба. Только сейчас, когда я начала дотрагиваться до всех этих ссадин и синяков, боль напомнила о себе, только сейчас во рту стало непривычно пусто. Во всем виноваты мысли о Горц и Атлантиде, мне даже некогда было рассмотреть себя в зеркало, понять, сколько всего мне удалось пережить и так легко отделаться.

— А ты умеешь водить машину? — голос другого Димки вырывает меня из одних мыслей и погружает в другие — мне и в голову не пришло, что он — мужик, самец, Димка — спросит меня об этом. Получается, что он...

— А ты не умеешь что ли? — я буквально замираю в ожидании ответа.

— Не-а, — отвечает тот как ни в чем не бывало. Я распахиваю дверь и сталкиваюсь с ним лицом к лицу. Всматриваюсь в его лицо — он не врёт.

Хватаю его за ворот футболки.

— Ты охренел?! Нафига мы труп разделывали?! — я ждала чего угодно в ответ на свой крик, но не пощёчины, от которой свело зубы и я, кажется, прикусила язык.

— Не ори на меня! — перед глазами звёздочки, а на меня орёт придурок, который не умеет водить машину и от своей ничтожности ударил меня. Сука! — Если бы соседи увидели труп в машине, они бы вызвали ментов, а так — стоит машина во дворе, мало ли чья она, — он, конечно, прав, но я его ненавижу и снова хватаю за ворот футболки, прижимаю к стенке, он ударяется затылком. Он этого не ожидал, он испуганно смотрит

на меня и даже не сопротивляется. Не на ту напал, дебил!

— Слушай сюда, придурок! Ты поведёшь эту чертову машину, ты отвезешь меня в психушку и пойдёшь со мной! А вздумаешь сопротивляться — я тебя прирежу, мне не привыкать. Ты не представляешь с кем ты связался, урод! — очкарик почти слился с белым фоном обоев, он даже зажмурился, видимо, ожидая, что я его ударю, но... Мне самой страшно от того, что я делаю. Убить очкарика — это как убить ни в чем не виноватого Димку, которому ещё и глаза выкололи.

Отпускаю его, возвращаюсь в ванную и закрываюсь. Облокотившись на раковину, понимаю, что меня трясет от того, что я только что сделала, но останавливаться я не собираюсь.

— И не вздумай уходить! Ментам я расскажу, что труп разделывал ты, да и вообще — это ты грохнул водителя, а я спала дома и понятия не имею — кто ты и как оказался в моей квартире! — кажется, я прихожу в себя, я снова шантажирую, снова угрожаю, снова хочу выкрутиться за счёт этого.

— А как ты оказалась в своей квартире? У тебя даже ключей не было! — вместе с этими словами он стучит в дверь.

Действительно, я ведь хотела узнать, откуда у него ключи от моей квартиры, но спрашивать об этом сейчас — не время.

— Давай, расскажи заодно ментам, что стащил ключи от моей квартиры и проник сюда!

— Ты дура! Ты сама отдала мне их! — его слова снова заставляют меня замереть на месте.

Когда я отдала ему ключи от своей квартиры? Он приходил ко мне только один раз, перед тем, как мы с Димкой отправились

в дом литераторов.

— Что? Я тебе их не отдавала! — мне бы снова открыть дверь и схватить этого идиота за ворот, но я пытаюсь собраться с мыслями, вспомнить, как так получилось, что я отдала ключи от собственной квартиры.

— Ну, не ты, а родственница твоя, бабушка, наверное, — доносится из-за двери.

Горц! Она была здесь?!

— Как выглядела эта старуха? — я вырываюсь из ванной, снова хватаю его за футболку.

— Ну-у, — он втянул голову, в ожидании очередного удара о стенку. — Бабка такая, худая, в черном платье, — я выпускаю его и направляюсь в комнату. Сомнений нет никаких — это была Горц. — Она сказала, чтобы, когда ты вернешься, я тебя встретил и отдал ключи, — продолжает очкарик, следуя за мной.

Горц была здесь, она знала, что я вернусь. Значит ли это, что меня убивать она не собиралась? Нужно ехать в психушку, выяснить, откуда привезли эту мерзкую старуху.

— Прогревай машину, едем в психушку, — дома оставаться больше нельзя: она знает, где я живу, она может застать меня врасплох и снова устроить бог весть что.

— А как это? — в этого идиота хочется кинуть чем-нибудь тяжёлым, но он мне еще нужен, его убивать нельзя, он умеет прятать трупы.

— Спроси у соседей, наверняка они знают, — и не важно, что я говорю глупости, мне нужно, чтобы он исчез на несколько

минут и дал мне спокойно собраться на работу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В машине всё ещё холодно, этот идиот — второй Димка — кое-как её завел, едем мы медленно, крадемся как черепахи. Нас обгоняют, а мы оба готовы молиться о том, чтобы нас не остановили на посту. К счастью, нам хватило мозгов включить аварийки, потому надеемся, что особого внимания не привлекаем — сломалась машина, куда-то едем, может быть, домой, а, может быть, в автосервис. Не важно.

Заняв место сзади, я сижу на нём как на диване: ноги на сидушке, спина к двери. Придурок ведёт машину и молчит, ему, наверняка, хватает адреналина в крови — он так вцепился в руль, что я вряд ли смогу его сейчас отвлечь разговором, впрочем, говорить с ним у меня нет никакого желания. Мне не дают покоя слова этого странного Илоидо. Луна на небе, но она ничего не говорит мне об Атлантиде — обычное светило, которое сменяет солнце, что в ней такого может быть? Как она связана с затонувшими островами. Их было двенадцать, а Луна — одна. Может быть, было двенадцать лун, и каждая гасла, когда очередной остров уходил под воду? Какие в таком случае атланты — идиоты: видели, что их остров тонет, и не собирались спасаться. Не в один же день он взял и утонул. Или в один? Вопросов с этими островами, с этой Атлантидой — больше чем ответов. Только самым главным вопросом для меня остается: как во всё это вмешалась Горц? Мне было бы проще поверить, что всё — очередные выдумки психопатов, что и книгу адекватный редактор Герман Робертович не стал пропускать только потому, что Горц — сумасшедшая. Однако стоит мне подумать об этом, и я вспоминаю свою первую встречу с этим Германом. Зачем ему нужен был дед Вася, почему он так странно завёл со мной разговор в тот день — для меня до сих пор остаётся загадкой. В доме

литераторов он будто был другим, совсем не тем, который спрашивал меня о сумасшедшем деде. Горц, Герман, Акула, Димка, Даша, Олька, Колян, Саша, я, ещё один Димка — двенадцать не получается, но я никак не могу уловить связь между нами. Зачем Горц понадобилось захватывать с собой Ольку и Коляна? Если она собиралась бежать вместе с Акулой, то им намного проще было бы заставить меня сделать это. Но меня они послали в дом литераторов: «потрясающая женщина», Вёрстов — двенадцать. Двенадцать, как островов Атлантиды.

В голове прояснение, мне кажется, что я вот-вот разгадаю, в чём дело, вот — уже появилась ниточка, за которую нужно потянуть. А ведь я с самого начала понимала, что всё в этой истории очень просто! Главное — не сбиться с этих мыслей, тянуть за ниточку, не дать ей ускользнуть из рук обратно, в клубок. Сосредоточиться. Так, зачем нас нужно было убивать? Что за сатанинский обряд проводила Горц в доме литераторов? Почему глаза? Зачем нужно было выкалывать им всем глаза? Что значили символы, которые Даша вырезала на Германе? Снова вопросы. Вопросы и никаких ответов. Ниточка остаётся в руках, но дальше не тянется, будто клубок, в который она смотана, кто-то держит и не даёт потянуть. Нас двенадцать.

Резкий толчок, я едва не падаю, мне удаётся схватиться за передние сиденья. Димка ругается — разбил нос из-за того, что резко затормозил. Тормоза не умеют использовать тормоза, этот придурок — яркое подтверждение.

— Ты охренел! Чуть нас не угробил! — кричу не потому, что я испугалась, а так, для порядка, чтобы он не забывал, что я ещё здесь, что я ещё жива и умирать так глупо — не собираюсь.

— Сама виновата! Я говорил, что водить не умею! Сама за руль не села! — он закрывает нос рукой, крови столько, будто он разбил не нос, а голову. Сколько же крови было, пока я резала

водителя, который сидел не так давно на месте этого Димки, сколько крови было, пока мы разделывали этого водителя — и всё занесло снегом.

— Не ори, иначе пойдёшь ко мне пациентом, — он этого боится, я помню.

Мы выходим из машины и идём к моей психарне. До нас никому нет никакого дела. На вахте никого не оказывается, скорее всего, как и всегда в нашем бардаке, охранник ушёл за чаем. Если бы я не знала, что случилось с Олькой, то и вовсе бы подумала, что он с ней в ординаторской или в каком-нибудь сортире. Да, черт, я почти так и подумала, но вовремя вспомнила, что Ольки здесь быть не может.

В коридоре как-то сумрачно, и без того давящая атмосфера этого места кажется настолько угнетающей, что становится жутковато, но больше всего начинает пугать тишина. Когда это психи вели себя столь тихо? Утром они уже успевали высыпать в коридор, слоняться по нему, идти в туалет, вылетать из палаты и пугать тебя — санитарку, медсестру, врача: ему плевать, он псих, ему за это будет только укол — ничего больше. Но тишина продолжается, мои уверенные шаги сменились на медленное вышагивание, Димка, который вцепился мне в руку, тоже сбавил обороты. Мы идём так, будто бы боимся, что половицы под нами начнут скрипеть, а то и вовсе — не выдержат нас обоих и треснут, а мы провалимся.

Мне нужно пробраться к архиву, но вместо этого я иду к палате, где лежали Горц и Акула. Конечно, возможно, мне уже ничего не увидеть из того, что они там могли устроить, но меня туда непреодолимо тянет: там я их видела безопасными последний раз, вернее, безопасной в той палате была только Горц, Акула сама по себе была безобидной. До чего же мне её жалко. Если бы у меня был выбор кого убить: Акулу или кого-то другого, я бы

выбрала другого, но не ее, она настрадалась и без этого: сумасшедшая Горц, дети-идиоты, которые отдали её сюда. Сколько всего ей пришлось пережить... Не меньше, чем мне.

Тишина продолжает действовать на нервы, мне невольно вспоминается коридор из дома литераторов. Подойдя к двери, я остановилась, то же пришлось сделать и моему сопровождающему. За дверью послышались голоса, но очень тихие, настолько тихие, что я подумала — не показались ли они мне.

— Там кто-то есть, — шепотом сказал Димка, указывая пальцем на дверь.

— Конечно, есть! Это же — психушка! — шиплю я в ответ, но открыть дверь не решаюсь.

Мы оба замираем около неё и прислушиваемся к тому, что за ней: голоса, как назло, стихли, снова тишина, даже никакого шороха. Димка отступает назад, но я вовремя успеваю схватить его за руку и уже уверенно распахнуть дверь. Мой порыв останавливает то, что я вижу, от чего хочу закричать, но не могу: в палате все те, кто, казалось бы, умерли: Акула, Димка, Олька, Колян, Даша, «потрясающая женщина», Герман Робертович, Саша, а вместе с ними живые — Горц и Вёрстов. Но живые ли? Они превратили палату в кабинет.

— Проходите, мы давно вас ждём, — Вёрстов, когда-то казался мне безобидным писателем, которого обманула потрясающая Альбина, указывает нам на свободные кресла.

Мне хочется кинуться к Димке, я забываю о том, что видела в доме литераторов. Сейчас он жив, он сидит в кресле около окна и тоже смотрит на меня, как и все остальные.

— Проходите же, не отнимайте у нас времени, — голос пода-

ет Акула, но голос явно не ее: я слишком хорошо помню голос бабушки, которая рассказывала мне про цветы.

— Вы все живы? — только и смогла я выдавить из себя.

Вместо того чтобы ответить, нас обоих толкают вперёд, дверь за нами закрывается — это был Колян. Сопротивляться — бессмысленно, я это поняла в отличие от второго Димки, который тут же попытался ответить, но к Коляну присоединился Саша. Эти двое будто и не умирали: снова работают в паре, снова бьют и скручивают. Меня же под руку берёт Олька и проводит к креслу.

Глупо было надеяться, что это — обычное кресло. Кресло оказалось с ремнями, которыми меня начали пристёгивать, то же самое начали делать и с Димкой, который, несмотря на то, что уже получил свою порцию побоев, стал шуметь: натурально реветь и кричать о том, что это я во всём виновата. Мне остаётся только молча согласиться с ним, он прав. Если бы не моя любовь к психам, не моё внимание, не моё любопытство — ничего бы этого не было. Что ж, если это — последние минуты моей жизни, то последние дни я провела интереснее, чем всю жизнь — нашла приключения и почти пережила их, но сама загнала себя в ловушку. Наверное, быть в тюрьме — было бы лучше, но это нисколько не отличалось бы от всей моей жизни. Такие странные мысли — и это вместо того, чтобы начать борьбу за жизнь. Раньше я убивала психов, а теперь — они меня.

— Что вам от нас надо?! — наконец-то хоть что-то стоящее выкрикивает мой сосед-очкарик.

— Спокойно-спокойно, — говорит Герман, подходя к нам.

Они ведут себя как те писатели, которых я представляла: в костюмах, в платьях, с бокалами вина. Почти кадры фильма

о красивой жизни, только декорации подкачали — действие происходит в психушке.

— Вы, конечно, имеете право знать, что вас ждёт, но уверяю вас — вы не пожалеете, — подключается к разговору Вёрстов. Мой Димка, тот, который был со мной в подвале, который когда-то вместе со мной троллил в интернете всяких идиотов — сидит и молчит.

— Вы, наверное, и сами думали о том, что бы всё это значило, — продолжает Герман, а я перевожу взгляд на Горц и Акулу, которые снова вместе и сидят рядом друг с другом, о чём-то перешёптываются.

— Вы всех психов в больнице убили, да? — не знаю, почему меня это вдруг заинтересовало, возможно, я хочу оттянуть время. В фильмах я часто видела, как злодеи рассказывали, зачем им всё было нужно, и собирались убить героя, но у героя открывалось второе дыхание или срабатывал какой-нибудь план; а у меня всего этого — нет, да и не такой уж я и герой, хоть и пережила не меньше, к тому же — в реальности, а не фильме. Как ужасно, что всё это — жизнь.

— Подожди, мы расскажем всё сами, — из-за стола выходят Горц и Акула, мой вопрос о судьбе психов теряется. — Всё же с нами она знакома намного больше, точнее с этими телами, к тому же стоит выразить ей благодарность, она была хорошей санитаркой, — Горц снова помолодела, и Акула — тоже, а, может быть, их так изменила косметика. Акула-то уж чёрного карандаша не пожалела — и брови подвела, и глаза — художница. Лучше бы цветы рисовала.

— Что ты знаешь об Атлантиде? — внезапно обращается ко мне Акула. Такого вопроса я не ожидала. Молчу. Что им рассказать? О том, что я узнала от неизвестного Илоидо или ответить,

как тот Сергей, что это — мифический материк, который затонул.

— Так ты знала, что будет?! — снова кричит второй Димка. — Ты спрашивала меня утром то же самое!

Горц и Акула теряют ко мне весь интерес, они переключаются на этого очкарика.

— Зачем?!

— Что она спрашивала?!

Тётки разозлились, это видно по их лицам, а мне почему-то хочется рассмеяться.

— Спокойно, я рассказал ей всё, что нужно, — голос подает мой Димка, тот, которого я давно знала, но голос не его.

— Когда?! — Горц и Акула поворачиваются к нему, мне кажется, что они сейчас набросятся на него и снова убьют.

— Я сэкономил наше время, рассказал об Атлантиде, вернее о том, что было двенадцать островов. Расскажите ей всё остальное, — Димка спокоен, несмотря на то, что все остальные явно разволновались, не говоря уже про Горц и Акулу.

Тётки быстро успокаиваются после его слов.

— Илоидо, нужно было предупредить нас, — мне хочется дёрнуть руками или податься вперед, как только Герман Робертович договаривает это моему Димке. Кто Илоидо? Он? Что за бред?!

— Да, Илоидо — это я, и не нужно меня так рассматривать. Тело твоего друга нисколько не изменилось с тех самых пор, —

он обращается ко мне, уловив мой обезумевший взгляд.

— Избавьте меня от этого пафоса и расскажите, в чём дело! — у меня больше нет сил терпеть всё это, я не хочу знать, как Димка вдруг ожил и стал каким-то Илоидо. Это — Димка, чёрт бы вас всех побрал!

— Не торопите события, мы их ждали намного дольше, чем... — Альбина Николаевна, внезапно заговорившая, замолчала на этих словах, опустила глаза, снова посмотрела на меня, чему-то улыбнулась и продолжила: — Хотя вы правы, стоит поторопиться.

— Как вам уже известно, — начинает Герман, будто ждавший слов «потрясающей женщины». — Атлантида представляла собой двенадцать островов. У нас нет времени рассказывать вам, чего мы достигли в то время, как победили то, что вы сейчас зовёте Луной, но вы узнаете, зачем вы нужны были нам.

— Луна — была такой же яркой, как и солнце, — почти мечтательно говорит Олька, у неё тоже пропал свой голос, это не она.

— Острова утонули, они были уничтожены разными способами: на одних были те, кто ослушался Богов, а вторые не выдержали испытаний, — продолжает Герман Робертович. — Однако атлантам удалось спастись. Мы перерождались, пока не пришло время вернуться.

Эта сказка меня совсем не интересует, этим психам нужны уколы, их нужно рассадить в отдельные палаты, навсегда. Превратить в растения. Не давать им жить.

— Перейдём к части, где начались события, в которые вы вмешали меня, — моя выдержка снова кончается, я знаю, что мне уже нечего терять.

— Анна Горц — действительно была писательницей, к нейто мы и пришли, чтобы рассказать человечеству о себе, — и это говорит Горц. О себе. В третьем лице. Нет, мне понятно, что они изображают из себя сейчас других людей, каких-то атлантов, судя по всему, но меня это начинает раздражать. Горц же продолжает: — Её рукопись не приняли, — она указывает на Германа Робертовича, и тот кивает. — Женщина отчаялась, хотела убить себя, но мы уверили её в том, что она будет жить вечно.

— Акулина, — к разговору присоединяется Акула, — подруга Анны Горц, единственный человек, которому она рассказала о нас.

— Дальше! — требую я, хотя требовать в моём положении — связанной по рукам и ногам — как-то глупо.

— Герман Робертович, — продолжает Горц, — стал первым, чьими действиями мы начали руководить. Когда вы встретили его первый раз — это был не он. Однако к нынешней человеческой форме нужно было привыкнуть.

— Ну и бре-е-ед! — теперь не выдерживает мой сосед очкарик.

— Мы знали, что Анна попадёт сюда, когда узнает, что рукопись сгорела вместе с издательством, в которое она отправила его, — продолжает Горц, пока моего соседа затыкают кляпом. — Мы хотели вас подготовить, но произошёл какой-то сбой, потому и случился весьма странный разговор про дедушку Васю, а Герман, видимо, понимая, что его ждёт — попросил Вас убить Горц.

Если верить их словам — паззл начинает складываться, верёвочка потянулась — легко, в новый клубочек, который сматывают

уже мои мысли.

— Ясно, — выдыхаю я, понимая, что меня ждёт. — Это типа реинкарнация, да?

— Не совсем так, — наконец-то заговорил Колян. — Слово «лоботомия» — подходит больше. Ваш мозг будет работать, он будет помнить всю вашу жизнь — всё, что вы делали до этого.

— До «этого» — до чего? — мне противно смотреть на них, мне не хочется так просто сдаваться, но я ничего не могу сделать, кроме как — злиться, огрызаться, скалиться. В моем арсенале — только эмоции и право говорить.

— Не перебивайте, скоро вы сами всё узнаете, — продолжает он как ни в чем не бывало. — Постепенно вы забудете о своей жизни, которая была до этого, но навыки, приобретенные вами — останутся при вас.

Перспектива вырисовывалась неплохая: жить я всё же буду, но что-то мне не верится, что я буду о чем-то помнить. Посмотреть на них всех, так остались только приобретённые навыки и ничего больше. Или понятие «постепенно» у них трактуется как-то иначе.

— Мы будем возрождать Атлантиду? — надеюсь, что сарказм они оценят. И действительно — оценили, засмеялись. Как над маленьким ребенком, который сказал картаво своё первое слово. Засмеялись, умиляясь, говоря мне своими взглядами о моей глупости.

— Нет, — вернулся к разговору Колян. — Мы — двенадцать хранителей, двенадцати островов. Наша единственная цель — рассказать людям об Атлантиде, рассказать об ошибках, которые мы совершили, чтобы они не повторили их, — он произносит это

так торжественно, что мне даже жаль его обламывать.

— Хранители? — теперь смеюсь я: над их глупостью, над их наивностью. — Посмотрите вокруг, ребят! Кому нужны ваши слова? Еще, небось, в книгу записать их решили? — они смотрят на меня как на сумасшедшую, но слушают, а я пользуюсь этим моментом: — Каких людей вы решили остановить своей книгой? Включите телевизор, откройте интернет! Ваши послания из прошлого разместят в раздел фантастики! Придурки! — от волнения, от всего, что я пережила, от всего, что я узнала — у меня начинается истерический смех, который невозможно остановить.

Десять человек переглядываются и подходят к нам.

Кажется, я знаю, что будет: нам выколют глаза, мы умрём. Наши тела займут оставшиеся два хранителя. Мне так никто и не сказал, куда дели остальных психов, но я всё ещё в психушке. Все действия происходят в психушке. Буду ли я помнить о ней, когда я — буду уже не Софьей Николаевной, санитаркой из психинтерната, которая убивала психов, чтобы разнообразить свою жизнь.

Атланты не выбрали бы нас, если бы мы так удобно не подвернулись. Мы все связаны Анной Горц, которая... Трудно сказать — убила она нас или дала нам новую жизнь.

Меня держат за голову, мне не пошевелиться, мой смех — превращается в крик и плач. Скальпель так близко. Странно, что они не знают о наркозе, хотя бы Колян мог вспомнить об этом.

Я кричу и не знаю от чего — от боли или от внезапной темноты. Я слышу крик соседа очкарика. Я всё слышу, но крики, даже мой собственный, становятся всё дальше и дальше. Они прекращаются, а я ловлю себя на мысли о том, что нужно будет вклю-

чить телевизор и посмотреть, что там, о чём говорила Софья.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая 4
Глава вторая 11
Глава третья 18
Глава четвертая 24
Глава пятая 32
Глава шестая 41
Глава седьмая 49
Глава восьмая 57
Глава девятая 66
Глава десятая 75
Глава одиннадцатая 83
Глава двенадцатая 91
Глава тринадцатая 100
Глава четырнадцатая 109
Глава пятнадцатая 117
Глава шестнадцатая 126

Анжелика Лавицкая

Лоботомия

Роман

Редактор Вадим Засухин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ф. И. О.: Лавицкая Анжелика Сергеевна
Дата рождения: 21 марта 1989 г.
Образование: высшее, юридическое.
Где найти: https://vk.com/deadmoona

Аннотация от Feder Fuchs:

Мрачная атмосфера, налёт абсурдистской мистики, мясо и хардкор, а за всем этим — крутейший стёб над теми, кто мнит себя дофига нормальным. Особенно хорош образ «писателей», которые оторваны от мира настолько, что выглядят полными шизофрениками. После «Лоботомии» не могу называть подобных персонажей иначе, чем «атланты».

В н и м а н и е !
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь